

• МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО •

ТОМАС ПЕЙН

Н. М. ГОЛЬДБЕРГ

ТОМАС ПЕЙН

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МЫСЛЬ»

Москва 1969

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Автор книги Н. М. Гольдберг, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея истории религии и атеизма в Ленинграде, написал также монографию «Свободомыслие и атеизм в США (XVIII—XIX вв.)» (М.—Л., 1965), составил и прокомментировал книгу «Американские просветители» (тт. 1—2. М., 1968—1969), является автором большого числа научных и научно-популярных работ, преимущественно по истории общественной мысли США и Англии («Критика религии Б. Франклином», «Вопросы религии в трудах Т. Купера» и др.). Ряд трудов Н. М. Гольдберга опубликован в ГДР, Болгарии и других странах.

Я защищаю дело бедности, мастеровых, ремесленников, фермеров и всех тех, на кого падает реальное бремя налогов, а кроме того, я защищаю дело гуманизма.

Т. Пейн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Томас Пейн (1737—1809), великий революционер и просветитель, жил в бурные времена второй половины XVIII и начала XIX в., когда происходили буржуазные революции. Идеологи шедшего к власти молодого класса капиталистов критиковали феодальный строй, его мировоззрение, нападали на его важнейшую опору — церковь, бывшую крупным феодальным землевладельцем, а подчас выступали и против самой религии. Они, по выражению Ф. Энгельса, «просвещали головы для приближавшейся революции» (9, стр. 189) *.

Однако делали они это по-разному. В среде буржуазных просветителей были осторожные критики прогнившего феодального общества и радикальные глашатаи наступавшей новой эпохи. Пейн, выдающийся рево-

---

* Здесь и далее первая цифра в скобках означает порядковый номер в списке литературы (в конце книги), где указаны выходные данные цитируемого произведения. Римская цифра означает номер тома.

люционный политический деятель, ученый, публицист и поэт, находился на левом фланге тогда еще прогрессивной буржуазии. Это был пламенный борец за республику, бескомпромиссный противник монархии, сословных привилегий, расового и национального угнетения. Он был гуманистом и выступал против несправедливых войн, за мир между народами.

Пейн теоретически анализировал революционные события, современником и активным участником которых он был. В философском произведении «Век разума» он, как писал У. Фостер, «очень ярко выразил антирелигиозные настроения своей эпохи» (40, стр. 122). Имя Пейна стоит рядом с именами таких мыслителей, как Руссо, Вольтер, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Франклин и др.

Пейн был в армии, боровшейся за независимость американцев против английского владычества, выполнял важные правительственные поручения молодой республики. Под влиянием его идей была составлена Декларация независимости США. Он был избран депутатом Национального конвента Франции, и его идеи нашли отражение в Декларации прав человека и гражданина. Политический трактат «Права человека», направленный против английской монархии и содержащий призыв к социальной справедливости, фактически сделал Пейна лидером демократических сил Англии, учителем будущих деятелей рабочего движения, чартистов.

Особая заслуга Пейна, выходца из народа, состоит в том, что свои революционные социально-политические и философские идеи, критические взгляды на религию и церковь он распространял среди народных масс, говоря с ними простым и доходчивым языком.

Не удивительно, что еще при жизни Пейн был ненавистен реакционным буржуа и церковникам. Его учение искажалось, а его имя замалчивалось на протяжении всего XIX в. Эту традицию продолжают в настоящее время современные идеологи империализма. В 1942 г. в Филадельфии было запрещено устанавливать памятник Пейну в Фэрмонтском парке. Комиссия, ведающая парком, заявила, что такой памятник якобы нежелателен филиладельфийцам, принимая во внимание взгляды Пейна на религию. В 1955 г. мэр города Провиденс в штате Род-Айленд не разрешил сооружение памятника Пейну, сославшись на то, что «Пейн был и остается личностью, весьма противоречивой по своему характеру». В октябре того же 1955 г. в США в радиопередаче о Пейне авторы стыдливо умолчали о его взглядах на религию. Крупнейшие американские и английские буржуазные газеты ни словом не обмолвились об исполнившемся 8 июня 1959 г. 150-летию со дня смерти Пейна. В 1963 г. английские консерваторы города Тетфорд выступили против решения муниципалитета поставить памятник Пейну — их земляку вви-

ду его «безнравственности», а на деле из-за ненависти к его демократическим идеалам.

Если реакционная часть буржуазии игнорирует и отвергает творчество Пейна, то некоторые умеренные круги, учитывая популярность его имени в народных массах, стремятся затушевать левые взгляды этого мыслителя, скрыть его «опасные» высказывания, подрывающие распространенные религиозные взгляды, превратить его в «добропорядочного» и «благочестивого» буржуа.

Подлинным хранителем идейного наследия Пейна являются английские и американские трудящиеся, рабочий класс и передовая интеллигенция — силы, которые борются за мир, демократию, социальный прогресс и в авангарде которых идут коммунистические партии.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. АНГЛИЙСКИЙ ДЕМОКРАТ

Томас Пейн родился в 1737 г. в Англии и прожил в ней до 1774 г., т. е. первую половину своей жизни. Эти десятилетия, 30—70-е годы XVIII в., были в истории Англии знаменательны во многих отношениях.

Английская революция XVII в. уничтожила феодально-абсолютистскую систему и открыла широкие возможности для развития в стране капиталистического производства и новых буржуазных отношений. Наблюдается рост городов и промышленности.

В это время возникает огромная армия пролетариев, готовых продать свой труд. Капиталистические отношения проникают и в сельское хозяйство.

Важным источником капиталов явился грабёж захваченных Англией колоний.

Баснословные барыши приносила процветавшая в XVIII в. работоторговля. В XVIII в. английские работоторговцы вывезли из Африки до 2,5 млн. рабов. Принудительный и

бесплатный труд миллионов рабов-негров способствовал развитию капитализма в Европе и Америке.

В середине XVIII в. в Англии начинается промышленный переворот, в результате которого мануфактурное производство было заменено машинной индустрией и сформировались классы промышленного пролетариата и капиталистов.

Быстрый рост промышленного и торгового могущества Англии менял весь уклад жизни страны и особенно отразился на развитии естественных наук, помогавших на практике прокладывать путь новой экономике, а также на состоянии общественных наук, теоретически аргументировавших неизбежность разрушения веками установленных порядков.

В Англии совершались величайшие открытия, освобождавшие науку от тягостной теологической опеки и низводившие ее с небес на землю. Огромную роль сыграли в этом отношении важнейшие открытия Ньютона в области физики, математики, астрономии, открытия физиков и химиков Кавендиша, Блэка, Пристли, математиков Тейлора и Маклорена, астронома Гершеля, геолога Геттона, биолога Э. Дарвина. Недаром церковь, всегда сопротивлявшаяся развитию науки, испытывала особое беспокойство.

Экономическая теория английской буржуазии нашла свое обоснование в классиче-

ской политической экономии, разработанной А. Смитом и Д. Рикардо.

Философия являлась ареной обостренной борьбы между материалистическим и идеалистическим направлениями.

Продолжателями материалистической традиции английской философской мысли в XVIII в. были Толанд, утверждавший, что движение есть свойство материи, Гартли, разработавший теорию ассоциации идей, исходивший из того, что психическая деятельность обусловлена раздражимостью нервной системы, и другие мыслители.

Целая плеяда английских деистов, склонявшихся к материализму, — Коллинз, Додуэлл, Коуард и другие — сводила роль бога к первопричине всего сущего.

Идеализм, защищавший основы религиозно-мистических представлений, нашел своего оруженосца в лице Беркли. Спекулируя на трудностях естественнонаучного материализма, Беркли, а затем и Юм исходили из идеалистической трактовки сенсуализма.

Такова была Англия, где в 90 милях от Лондона в захолустном селении Тетфорд, в графстве Норфолк, в семье бедного ремесленника-корсетника родился Томас Пейн. Его мать была ревностно предана англиканству и пыталась воспитать в мальчике приверженность к государственной церкви. Однако большее влияние на Томаса оказал отец, квакер по религиозным убеждениям. В детстве Пейн обнаружил пылкий ум, склон-

ность к сочинению стихотворений, и отец отдал его в грамматическую школу. Обучение в школе было коротким. В тринадцать лет Пейн из-за нужды оставил школу и начал работать в мастерской отца. Через три года в поисках счастья и приключений Пейн нанялся матросом на каперское судно и отправился в плавание. Двадцати лет Пейн оказался в Лондоне, где работал корсетником и много времени отдавал учебе, увлекаясь астрономией и математикой. Он посещал лекции по натурфилософии Б. Мартина и Д. Фергюсона, популяризовавших ньютоновское учение. Для лучшего усвоения знаний он купил себе два глобуса. Вспоминая эти годы, Пейн писал позже: «Мой разум обладал естественной склонностью к науке» (18, стр. 277). В 1759 г. Пейн обосновался в местечке Сэндвиче, где продолжал работать корсетником, но вскоре поступил на службу в акцизное управление. Пейн не проявил себя усердным сборщиком налогов, через два с лишним года был уволен и опять стал корсетником, а затем учителем английского языка в Лондоне. Имея в виду этот период жизни Пейна, его злейший враг Олдис, впоследствии написавший клеветническую биографию мыслителя, утверждает, будто бы Пейн был странствующим проповедником-евангелистом. Как свидетельствуют новейшие исследования, этот вымысел, распространенный Олдисом, не подтверждается (см. 75, стр. 35—36). Далее в течение шести

лет Пейн снова служил акцизным чиновником в Льюисе, в графстве Эссекс. В Льюисе, где Пейн жил с 1768 г., он зарекомендовал себя убежденным либералом с независимыми политическими взглядами. Он высказывал их в кругу своих друзей в таверне «Белый олень», бывшей одним из местных политических клубов (см. 43, стр. 20). Уже здесь Пейн показал себя способным общественным деятелем. В 1772 г. он возглавил движение сборщиков акцизов за повышение заработной платы. В написанной Пейном петиции в парламент — «Дело акцизных чиновников» — говорилось о бедственном положении чиновников, перед которыми стоит вопрос «быть или не быть». Обращение-памфлет, отпечатанное Пейном в четырех тысячах экземпляров, было его первой печатной работой. Один экземпляр он подарил знаменитому поэту Оливеру Гольдсмиту (1728—1774), такому же, как и Пейн, бедствовавшему неудачнику, который в своих произведениях отражал настроение задавленного нуждой труженика. В проникнутом скромностью письме Пейн с чувством удовлетворения сообщал Гольдсмиту, что он получил много писем от читателей, одобрявших памфлет и благодаривших его. Парламент петицию отверг, а Пейн опять был уволен со службы в налоговом ведомстве. Вскоре обанкротилось в Льюисе его «дело» — небольшая табачная лавка. Все начинания Пейна завершались неудачей, и нищета преследовала его. В три-

дцать семь лет у него не было ничего, он был такой же бедняк, как и прежде. И тогда Пейн летом 1774 г. снова уехал в Лондон с последней надеждой: отправиться в Америку и там спастись от бедственного положения. В заокеанские колонии Англии Пейн стремился со школьных лет, когда прочитал книгу по естественной истории Вирджинии. Нет оснований полагать, что он помышлял о литературной карьере. Скорее его привлекали возможности заняться научными исследованиями. Пейн, как и Франклин, был самоучкой. Уже будучи в преклонном возрасте, Пейн писал своему другу Рикману: «В моей жизни не было и пяти минут... когда бы я не приобретал каких-либо знаний» (цит. по 75, стр. 34). Обладая незаурядными способностями, он увлекался математикой и механикой, искал ответы на самые сложные вопросы и в своих познаниях находился на уровне передовых ученых конца XVIII в.

В Лондоне Пейн возобновил знакомство с Франклином, у которого он бывал еще в 1772 г. Великий американец увидел в Пейне «способного и достойного молодого человека» и в рекомендательном письме в Америку своему зятю Ричарду Бейчу просил его помочь Пейну и устроить его учителем или клерком, пока он не освоится в новой стране и сам не узнает ее получше. В сентябре 1774 г. Пейн, снабженный Франклином деньгами, покинул Англию.

Плавание в Америку, продолжавшееся девять недель, было трагическим: на судне вспыхнула эпидемия тифа. Заболевший Пейн едва избежал смерти, и после прибытия судна 30 ноября того же года в Филадельфию он еще долго пролежал в постели.

2. БОРЬБА ЗА ДЕЛО АМЕРИКИ

В тринадцати английских колониях, протянувшихся узкой полосой вдоль атлантического побережья Северной Америки, в середине 70-х годов XVIII в. происходило быстрое экономическое развитие, которое метрополия всячески ограничивала. Шведский путешественник Кальм, побывавший в Америке в середине века, писал, что колониям не разрешено основывать новые мануфактуры, которые стали бы конкурировать с английскими. За исключением немногих определенных мест, колонии лишены права торговать вне британских владений; иностранцам также не дозволена торговля с американскими колониями. Подобных стеснений было множество.

Английский гнет особенно усилился после Семилетней войны. В 1763 г. определена была пограничная линия (по Аппалачам), за которой колонистам было запрещено селиться на землях, принадлежавших английской короне. В следующем году были установлены таможенные пошлины на сахар,

вино, шелк и другие продукты и товары, запрещено торговать с Французской и Голландской Вест-Индией. В 1765 г. был введен закон о военном постое, обязывавший колонистов предоставлять английским колониальным войскам жилье и питание. В том же году был введен закон о гербовом сборе. Правда, через год английский парламент, убедившись, что закон этот осуществить невозможно, отменил его, но уже в 1767 г. были введены законы Тауншенда—пошлины в пользу Англии на ввоз стекла, свинца, красок, бумаги и чая. В 1773 г. колонисты отказались покупать чай Ост-Индской компании, на который были введены новые пошлины, а в Бостоне груз этого чая даже сбросили в море. В ответ на это в 1774 г. английский парламент провел ряд новых притеснительных законов, которые колонисты называли «нестерпимыми законами».

Несмотря на усиление гнета, метрополии все же не удавалось строго контролировать экономику колоний, стремившихся к самостоятельности.

В американских колониях быстро росло население. Еще в 1760 г. там насчитывалось около 1,6 млн. жителей (не считая коренного населения — индейцев), а в 1775 г. в колониях проживало уже 2,6 млн. жителей, из которых более 500 тыс. были негры-рабы. В колониях развивалось сельское хозяйство, а также различные отрасли производства. Перед революцией, приведшей их к незави-

симости, колонии производили железа и чугуна больше, чем Англия. Почти третья часть судов, плававших под британским флагом, была построена в Америке. Колонии уверенно конкурировали с метрополией уже не только на внутреннем, но и на внешних рынках. С увеличением населения и развитием экономики в Америке стали расти города.

Политика английских властей в колониях, особенно попытка задержать свободное заселение западных земель и сохранить крупные землевладения при помощи майората — феодального института, предусматривавшего переход земли к старшему в роде, вызывала особое недовольство колонистов.

Политическая и экономическая зависимость от Англии все более тяготила молодую американскую буржуазию, которая вместе с массой колонистов выступала против английского господства.

Сложной была в Америке и внутренняя обстановка. Трудовой люд, городская беднота, мелкие фермеры, негры-рабы и белые невольники страдали и от английского господства и от американских рабовладельцев, купцов, промышленников. Обострялись классовые и политические противоречия. Страна была накануне бурных событий.

Идеологическая борьба в колониях проявлялась в религиозной форме. Английские колонизаторы стремились укрепить свое господство в Америке через посредство англиканского духовенства, внушавшего почитание

официальной церкви и английской короле. Духовенство пуританских сект, преобладавшее в стране, было связано с растущей американской буржуазией и проповедовало, что «сам бог связан в своих деяниях законами Природы и Права — ведь они являются его законами и потому должны быть отрадны ему. Сам бог не может — ибо он не желает — попирать указанные законы и скрепил заветом это свое нежелание; следовательно, когда кто-либо из его мирских слуг — будь то короли или мирские таможенные чиновники — попирает указанные законы природы и праведности, когда они становятся притеснителями, они оказываются в действительности тиранами, а их действия выходят за рамки закона» (19, стр. 115—116). Руководители сект выражали идеи назревавшего против английской монархии бунта, оправдывали его, понимая, однако, под «народом» лишь людей состоятельных; богатство считалось ими явлением богоугодным, а бедность — божьим проклятием (см. 19, стр. 117—118).

Авторитетной опорой для целой армии теологов, стремившихся к незыблемому утверждению догматов Библии и проповедовавших ханжескую пуританскую мораль, служили богословы Самюэл Джонсон (1696—1772) и Джонатан Эдвардс (1705—1758), признанные вожди идеалистического направления в американской философии, осуждавшие свободумыслие.

И тем не менее в XVIII в. в США наблюдалось распространение прогрессивных идей. В американские колонии проникали сочинения английских деистов Блоунта, Шефтсбери, Коллинза, Болингброка. В библиотеках Йеля, Гарварда, Филадельфии можно было найти сочинения Гоббса, Локка, Ньютона, Монтескье, Руссо...

Филадельфия, куда прибыл Пейн, представляла собой центр острой политической борьбы. Правда, открыто никто не выступал с призывами к отделению колоний от Англии, но о необходимости пересмотра отношений с метрополией, об уважении прав колонистов все говорили настоятельно. За месяц до приезда Пейна на Первом континентальном конгрессе североамериканских колоний Англии (кроме Канады) вопреки сторонникам примирения с королевской властью было принято обращение к жителям колоний с призывом оказывать вооруженное сопротивление притеснениям англичан, бойкотировать английские товары. Конгресс вместе с тем пытался договориться с королем Георгом III и в принятой петиции просил его ослабить политику притеснений.

Пейн сразу же включился в активную деятельность. По договоренности с Робертом Эйткиным, издававшим ежемесячный «Пенсильванский журнал», он в начале 1775 г. стал его редактором. Благодаря Пейну число подписчиков в каких-нибудь три месяца выросло с 600 до 1500.

Журналист, подписавшийся «Эзоп», «Атлантикус», «Голос народа», оказался «человеком с магическим пером» и потому, что он был талантлив, и потому, что смело отстаивал передовые идеи, например полную и немедленную отмену рабства негров, о чем он писал в марте 1775 г. в статье «Африканское рабство в Америке». Еще до Пейна в 1769 г. в таком же революционном духе высказывался Джефферсон в Вирджинии, но Пейн в простой литературной форме сделал эту идею достоянием широкого круга читателей. Через месяц после появления этой статьи в Филадельфии возникло антирабовладельческое общество и началось движение филадельфийских негров-рабов. Пейн, еще в Англии ставший антимонархистом, решительно выступил за ликвидацию монархии и отмену всех титулов, агитировал за равенство женщин, осуждал дуэли и характеризовал английского колонизатора Клайва как деспота, скандально прославившегося своими грабежами и разбоями в Индии.

Статьи Пейна привлекали множеством смелых мыслей и оригинальных идей. Писал он быстро и легко. Об этом говорят сохранившиеся рукописи: в них очень мало поправок, поправок и дополнений. Пейн был интересным собеседником, глубоким, остроумным и откровенным в своих суждениях. Появившись в Филадельфии, он сразу же привлек к себе внимание передовых людей города. Его анонимная статья против работорговли

заинтересовала крупного врача и философа, влиятельного деятеля Бенджамина Раша, который искал с ним знакомства.

Наряду с этими первыми статьями Пейн пишет стихи и поэмы, а также несколько статей, посвященных научным вопросам («Описание новой электрической машины» и др.).

В апреле 1775 г. у местечек Конкорд и Лексингтон произошли первые вооруженные столкновения между колонистами и английскими войсками.

Эти столкновения явились началом американской войны за независимость, которая по своему существу была буржуазной революцией, закончившейся созданием Соединенных Штатов Америки — независимой буржуазной республики. В. И. Ленин писал, что «это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку» (13, стр. 48). После апрельских событий Пейн, до того надеявшийся, что споры с Англией уладятся миром, по-видимому, понял, что компромисс невозможен, и решительно начал высказываться за независимость колоний от Англии. Эта идея упорно звучит в его стихах (сентябрь 1775 г.), в статье «Серьезная мысль» (октябрь 1775 г.) и особенно в анонимном памфлете «Здравый смысл», которому суждено было сыграть роль набатного колокола в освободительном движении американских колонистов.

Памфлет вышел в январе 1776 г. Убедительно и страстно, доступным языком, без утомительных и длинных ссылок на древние авторитеты (что в ту пору было модно) Пейн доказывал закономерность независимости колоний и необходимость войны против Англии. Исходя из того что «все люди от природы равны по происхождению» (18, стр. 26), он показывал противоестественность монархии вообще и наследственной в особенности. Пейн рисовал план создания нового государства на Американском континенте и заключал: «Нам принадлежит неотъемлемое право иметь собственное правительство, и всякий, кто всерьез поразмыслит над непрочностью человеческих дел, придет к убеждению, что куда разумнее и безопаснее хладнокровно и обдуманно выработать собственную конституцию, пока это в нашей власти, нежели доверить столь значительное дело времени и случаю» (18, стр. 46). Доказывая экономическое и военно-стратегическое превосходство объединившихся колоний в войне против Англии, он призывал весь народ взяться за оружие для войны против колонизаторов, возглавляемых «коронованным зверем Великобритании». «...Период дебатов закончился. Оружие как последнее средство решает сейчас спор... Никогда еще солнце не светило более достойному делу», — восклицал Пейн (18, стр. 34).

4 июля 1776 г. Второй континентальный конгресс принял Декларацию независимости

американских колоний, составленную Томасом Джефферсоном. Этот революционный документ, провозгласивший создание нового государства, отразил влияние идей пейновского «Здравого смысла».

В короткое время пейновский памфлет (от которого веяло столь революционным духом, что Пейн с трудом нашел для него издателя) был распродан в неслыханном в те времена количестве — почти 500 тыс. экземпляров. Его успех был велик, и он сыграл роль своеобразного катализатора событий. Влияние его трудно переоценить. Учителя читали «Здравый смысл» в школах, ораторы-патриоты — неграмотным рабочим, офицеры — солдатам. Дж. Вашингтон сообщал, что в Вирджинии «Здравый смысл» «произвел сильные перемены в умах людей». Пейн сразу стал знаменит. «Здравый смысл» цитировали в газетах, о нем узнали за границей. В мае 1776 г. памфлет был переведен на французский язык, а затем и на испанский. Он был напечатан в странах Латинской Америки, способствуя их борьбе за независимость.

Деньги от продажи памфлета Пейн пожертвовал на нужды революционной войны. Он гордился своим вкладом в общее дело.

Воодушевленный подъемом освободительного движения, в котором его памфлет сыграл значительную роль, Пейн, по духу своему борец, решил, что его место в рядах сражающейся армии. Летом 1776 г. он вступил

в отряд, сформированный из милиции и добровольцев, а затем в чине бригадного майора стал адъютантом генерала Натаниэля Грина. В тяжелое время отступления американских войск с Гудзона на Делавар Пейн для поддержания духа солдат пишет в конце 1776 г. памфлет «Кризис», в котором он клеймил английского короля и его американских сторонников (тори) и выражал уверенность в победе. «Это — время испытания человеческих душ», — писал Пейн. Вслед за первым памфлетом последовала целая серия ему подобных (всего их было 16), которые Пейн писал и издавал на протяжении всей войны. В них пропагандировалась американская революция. В его статьях впервые прозвучало название создававшегося нового государства — «Соединенные Штаты Америки» («Американский кризис», II). Эти статьи перепечатывали газеты, агитировавшие за независимость Америки, их читали вслух солдатам армии освобождения. Так распорядился главнокомандующий Дж. Вашингтон.

Значение этой серии памфлетов не ограничивается разъяснением ближайших целей войны, призывом к сплочению сил всех американцев, разоблачением ториев как предателей, обстоятельной информацией о ходе военных действий. В них Пейн продолжает разъяснять свои политические взгляды.

В вопросе о независимости Пейн решительно расходился с верхами религиозных сект. Один из видных представителей духо-

венства писал в разгар борьбы колоний: «Бог есть бог порядка, а не мятежа, и он велит вам подчиняться вашим правителям и быть послушным высшим властям». Священники, тесно связанные с консервативными кругами, читали проповеди против независимости.

Пейн резко осуждал тех американских квакеров, в частности в Пенсильвании и Нью-Джерси, которые, проповедуя непротивленчество, призывали население «во имя христианского Евангелия» придерживаться мирных принципов. Впрочем, он легко мог отличить тех квакеров, которые активно боролись за независимость Америки, от возглавлявших секту пособников колонизаторов.

После первых побед, одержанных армией Вашингтона над англичанами в конце 1776—начале 1777 г. при Трентоне и Принстоне, Пейн в основном посвящает себя публицистической и политической деятельности, находя, что ею он принесет республике бóльшую пользу, нежели военной службой. Для понимания политических и социологических взглядов Пейна имеет значение серия его статей в защиту конституции Пенсильвании, написанной революционерами под руководством Франклина. Пейн выступает против консервативных элементов, покушавшихся на конституцию. Он отстаивает учение о естественных правах человека, о том, что человек должен быть свободным.

В разгар революционной войны, в 1777—1778 гг., республика поручила Пейну ответ-

ственный пост секретаря Комитета конгресса по иностранным делам, занимая который он боролся против спекулянтов и противников революции. По поручению конгресса Пейн помогал молодому полковнику Джону Лоуренсу в его важной дипломатической миссии во Франции — ускорить помощь американцам. Пейн в это время составил преамбулу к акту пенсильванской ассамблеи, принятому в марте 1780 г. и впервые узаконившему меры по постепенному освобождению негров-рабов. В том же 1780 г., когда Дж. Вашингтон сообщил конгрессу о серьезных нехватках в армии, Пейн пожертвовал на нужды войны свои деньги и организовал сбор средств. Задавшись целью написать трехтомную историю американской революции, Пейн собирал материалы. Обнаружив труд аббата Рейналя «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях», часть которого, изданная в 1781 г., называлась «Революция в Америке», Пейн немедленно написал и издал свое «Письмо к аббату Рейналю...», в котором опровергал ошибочные утверждения Рейналя и выступал в защиту дела американских революционеров.

Пейн продолжал неустанную агитацию за независимую республику, за всеобщее избирательное право, за обучение всех детей в общедоступных школах, за пенсии престарелым, за отмену рабства негров. Такая активность Пейна была не по вкусу американской

буржуазии и плантаторам, не говоря уже о сторонниках Англии — контрреволюционерах. У популярного в Америке Пейна появились не только многочисленные друзья, но и враги, опасные и коварные.

Война за независимость окончилась в 1783 г. США подписали с Англией Парижский мирный договор. Вместе со всем народом Пейн ликовал: «Времена испытаний для человеческих душ» прошли. Величайшая и глубочайшая революция, которую когда-либо знал мир, славно и благополучно завершилась», — писал он (18, стр. 170).

Все долгие годы войны Пейн не забывал своих научных занятий и ждал, когда сможет обратиться к ним вновь.

Когда война окончилась, Пейн был беден. Но вскоре его дела поправились. Штат Нью-Йорк за бескорыстную службу Америке подарил Пейну дом неподалеку от Нью-Рошели, затем конгресс США и штат Пенсильвания за заслуги в революции предоставили ему некоторую денежную помощь. Впервые в жизни Пейн приобрел финансовую независимость, у него оказались свободные деньги. Теперь можно было реализовать свои планы. В конце 1785 г. Пейн нанял себе в помощники Джона Холла — плотника и механика, с которым и занялся различными усовершенствованиями и изобретениями, неизменно показывая их своему старому другу и авторитетному ценителю Франклину. В эти годы Пейн изобрел бездымную свечу,

сконструировал одноарочный железный мост, внеся новшество в его сборку, и построил его модель.

Научные занятия, конечно, требовали времени, но Пейн продолжал участвовать и в политической жизни послевоенных Соединенных Штатов. Свои политические взгляды, выражавшие чаяния простого люда, трудящихся страны, он излагал в созданном и руководимом Франклином «Обществе политических исследований». Важным вопросом этого времени был вопрос о бумажных деньгах и банке, созданном во время войны континентальным конгрессом и ассамблеей штата Пенсильвания. Война, нарушив экономическую жизнь колоний, повлекла за собой инфляцию, сокращение в обороте звонкой монеты и увеличение бумажных денег, что тяжело отразилось на положении народных масс, особенно трудящегося фермерства, которое требовало полного покрытия этих бумажных денег. В связи с этим Пейн изложил свои взгляды в трактате 1786 г. «Рассуждение о государстве, делах банка и бумажных деньгах» и в нескольких газетных статьях на эту же тему. Пейн выступил за ликвидацию выпущенных во время войны бумажных денег и сохранение банка. Это не означало, что он изменил своему радикализму. Он искренне верил, что собственность банка будет служить всем классам общества.

Тем временем, потеряв надежду заручиться средствами на постройку моста в

США, Пейн решил реализовать свой проект в Европе и весной 1787 г. уехал во Францию.

В Париже Пейн, несмотря на поддержку друзей Джефферсона и Лафайета, с которым был близок как с участником американской войны за независимость, тщетно пытался привлечь внимание Академии наук и французского правительства к своему проекту постройки моста через Сену. Тогда Пейн переехал в Англию, где его идея получила в конце концов признание. В 1790 г. мост по его проекту был построен и служил до 1929 г., оставаясь в хорошем состоянии.

3. МЯТЕЖНИК ВЕРНУЛСЯ НА РОДИНУ

Покидая Америку, Пейн был преисполнен убеждения, что примеру революционных колоний последуют европейские народы, чтобы освободиться от «ошибочных систем правительств». В первом же памфлете, написанном им во Франции и опубликованном в Англии, посвященном предотвращению возможной войны Англии с Францией, — «Перспективы Рубикона» (1787) — он призывал к сохранению мира между державами, предотвращению войны и наглядно показывал, какие тяготы несет война народным массам. Он выступил как гуманист, для которого «мир — его отечество, а религия его — распространять повсюду добро».

До того времени между Соединенными Штатами и Англией еще не было дипломатических отношений. Пейн получал информацию о политике английского кабинета и пересылал ее через Джефферсона в Соединенные Штаты. В обстановке нараставшего в Англии правительственного кризиса и учитывая возможность прихода к власти в случае падения консервативного кабинета оппозиционного правительства из партии вигов, Пейн поддерживал сношения с лидером вигов, слывшим некогда либералом и выступавшим даже в защиту американских колоний, Эдмундом Бёрком (1729—1797).

В Англии появление Пейна стало известно демократическим кругам. Буржуазно-либеральное «Общество конституционной информации», возникшее еще в 1780 г., которое боролось за парламентскую реформу и надеялось, что Пейн отдаст ему свой талант публициста, избрало его своим почетным членом.

Находясь в Лондоне, Пейн неоднократно выезжал в Париж. Здесь он в доме Джефферсона встречался с известными деятелями французского Просвещения — Леруа, Ларошфуко, Лафайетом, с которыми обсуждал политические проблемы, и в частности, какой должна быть республиканская конституция, тем более что именно в этом 1787 г. в Соединенных Штатах была подготовлена новая конституция.

Находясь в Англии, Пейн месяц за месяцем все более убеждался в том, что ни партия вигов во главе с Фоксом и Бёрком, ни «Общество конституционной информации» во главе с Горн Туком и Картрайтом не собираются и не способны возглавить борьбу за изменение монархического строя в Англии.

Тем временем из Франции от Джефферсона пришло сообщение о том, что на май 1789 г. назначен созыв Генеральных штатов. Пейн чувствовал приближение событий, которые должны были изменить положение в этой стране. Еще в 1782 г. в письме к аббату Рейналю он предсказывал, что американская революция окажет влияние на Францию и Англию. Не удивительно, что, как только во Франции летом 1789 г. вспыхнула революция, Пейн устремился туда. Он говорил: «Мое отечество там, где нет свободы», т. е. там, где люди сражаются за свободу. В декабре 1789 г. Пейн был уже в Париже. Революционная Франция становилась новым отечеством Пейна. Здесь у него было много друзей среди революционеров — Кондорсе, Бриссо, Барер, Дантон. Здесь Лафайет обратился к нему с просьбой передать Вашингтону ключи от Бастилии как символ павшего старого режима. 1 мая 1790 г. эти ключи Пейн послал президенту США Вашингтону, и они были помещены на стене одной из комнат дома Вашингтона. В письме Вашингтону Пейн писал: «Несомненно, принципы Америки открыли Бастилию, и поэтому ключи

направляются на свое место» (17, т. II, стр. 1303). Здесь же, в Париже, Пейн узнал, что 9 февраля 1790 г. Бёрк выступил в английском парламенте с речью, полной злобных нападок на французскую революцию и угроз в адрес Франции. Раздражение и страх, ненависть и злоба по отношению к французской революции, воцарившиеся в правящей Англии с момента взятия Бастилии, нашли в этой речи свое выражение. Эта речь Бёрка укрепила еще до того принятое Пейном решение написать памфлет в защиту французской революции. Весной 1790 г. Пейн снова был в Лондоне, где узнал, что Бёрк готовит памфлет против революционной Франции. В ноябре 1790 г. памфлет Бёрка «Размышления о французской революции» был опубликован. Бёрк, которого Маркс называл «гнусным политическим лицемером» (3, стр. 770), как впоследствии стало известно, находился на содержании у короля Георга III и получал от него 1500 ф. ст. в год.

Бёрк утверждал, что единственное основание общества — это не права человека, а нравственные отношения между людьми, созданные богом в акте творения. Бог определил людей в обществе по своей воле, и тем самым обязательства людей друг к другу и к богу не составляют для них предмета выбора. Отрицая право народа на революцию, Бёрк с ненавистью выступает против каких бы то ни было изменений существующих уч-

реждений. По Бёрку, добродетелью и государственной мудростью наделен именно имущий класс, призванный поэтому постоянно находиться у власти. Английскую конституцию Бёрк провозглашал как плод высшего разума, способный решить все политические проблемы. Он восхвалял свой идеал — наследственную монархию и государственную церковь. Обращаясь к «естественным чувствам» англичан, Бёрк клеветал на французский народ и в патетических выражениях расписывал ужасы французской революции. Он намеренно игнорировал тот факт, что революция выразила народное требование коренных изменений в политической жизни страны.

Памфлет Бёрка стал настольной книгой аристократических кругов европейских монархий.

Пейн в ответ на злобные выпады Бёрка против революции в марте 1791 г. опубликовал первую часть своего знаменитого памфлета «Права человека», а через год он издал и вторую часть.

После «Здравого смысла» это был важнейший политический памфлет Пейна, в котором он со своей неизменной позиции мелкобуржуазного демократа разъясняет события французской революции 1789—1790 гг., восторгается ими и предсказывает неизбежное развитие революции, которую не понял и представил в искаженном свете политический ренегат Бёрк. Пейн высмеивал Бёрка,

который не смог мысленно охватить составные части, «из совокупности которых складывается конституция», потому что «таланту его также не хватает конституции». Но поскольку Бёрку нужно было сказать что-то против французской революции, «для этого он и воспарил ввысь, подобно воздушному шару, чтобы отвратить взоры людей от земли, на которой они стоят» (18, стр. 211).

Обращаясь к английскому народу, Пейн не устает повторять, что монархическая власть, опираясь на антинародную конституцию, — это власть, враждебная народу, прикрываемая абсурдным аргументом, будто бы она происходит от бога. В Англии все права народа были узурпированы королем, с дозволения которого и были созданы подчиняющиеся ему обе палаты парламента. С возмущением Пейн заключал: «Что, кроме угнетения и попорченной справедливости, являют нашему взору современные европейские государства? Что можно сказать о государстве английском? Разве сами жители не называют его рынком, где у каждого человека своя цена и где порок служит предметом купли-продажи за счет обманутого народа? Не удивительно в таком случае, если на французскую революцию клеветуют» (18, стр. 245).

В «Правах человека» Пейн писал о грядущих революциях, осуждал наследственную монархию как тиранию, заявлял, что

монархия и аристократия вскоре сойдут в могилу, открыто высмеивал ганноверскую династию, называл английское правительство продажным и деспотическим, обличал парламент как машину налогообложения и выдвигал план, по которому деньги, поступающие от налогоплательщиков, должны идти не двору и придворным, а на помощь беднякам для обучения их детей, на пенсии старикам и т. п.

Летом 1791 г., как и предвидел Пейн, революционные события во Франции развивались дальше. В ответ на проведение ненавистного трудящимся массам закона Ле-Шапелье против стачек и на известие о попытке бегства короля к эмигрантам, выступавшим против революции, во Франции начался новый подъем революционного движения. Народ готовился к свержению монархии. Именно в это время в Париже снова появился Пейн, горячо ратуя за республиканский строй. В начале июля 1791 г. он вместе с Кондорсе начал выпускать новую газету — «Республиканец», издававшуюся «Республиканским обществом». Вместе с молодым Ахиллом Дюшатле, участником революции в Америке, Пейн писал и расклеивал на стенах Парижа свои манифесты с призывами уничтожить монархию и учредить республику. Пейн был среди тех революционных деятелей, которые возглавили движение во Франции за республику.

В том же июле 1791 г. Пейн уезжает в Лондон, чтобы участвовать в праздновании второй годовщины падения Бастилии.

Англия встретила Пейна небывалым подъемом движения демократических сил. И французская революция, и пейновские «Права человека» сыграли в этом подъеме свою роль.

Книга Пейна произвела сенсацию. Как пишет историк Вудворд, в то время это была самая читаемая в Англии книга. Она распространялась в небывалых количествах (см. 75, стр. 220).

Активизировалась деятельность «Общества конституционной информации». Его члены Холлис, Горн Тук и другие приветствовали памфлет Пейна и делали все, что могли, для его распространения в дешевых изданиях. Они сознавали, что книга «Права человека», принимая во внимание всемирную славу его автора, безыскусное и понятное даже неграмотному изложение политической теории, будет способствовать усилению движения за реформу, хотя многие из членов общества далеко не разделяли республиканские взгляды Пейна.

В кампанию за распространение памфлета Пейна включились конституционные общества в Кембридже и Манчестере, Бирмингеме и Оксфорде и в десятках других городов Англии и Шотландии. В Манчестере идеи Пейна распространял философ-материалист Томас Купер, друг Пристли, ставший

впоследствии известным в Соединенных Штатах. Он опубликовал направленный против Бёрка яркий памфлет, в котором смело защищал революционные идеи, восхищался Пейном как «выдающимся другом человечества» и гордился тем, что его имя связывалось с именем Пейна.

Антимонархическая книга Пейна оказала влияние на радикала Уильяма Годвина, который, как полагают некоторые историки, к тому же был причастен к подготовке первого издания «Прав человека» (см. 56, стр. 226). В 1793 г. Годвин в книге «Исследования относительно политической справедливости» высказывался еще решительнее, чем Пейн. Он развивал анархистские и утопические идеи о новом обществе, в котором не будет государства и права собственности, этих источников угнетения человека, и основой которого будет торжествующий разум.

Идеи Пейна были встречены с энтузиазмом в рабочей среде. В январе 1792 г. возникло новое «Лондонское корреспондентское общество», состоявшее в основном из рабочих, возглавляемое другом Пейна сапожником Томасом Гарди. По его мысли, это общество обращалось к «мастеровым и механикам» с целью просвещения рабочего класса. Для Гарди и его друзей теории Пейна были подлинной основой их деятельности. Летом 1792 г. они стали собирать средства для создания фонда в защиту Пейна, поскольку уже появились сведения, что правительство наме-

рено начать против него судебное преследование. Такие же рабочие клубы в течение 1792 г. возникли и в ряде провинциальных городов. На их знамени было написано имя Тома Пейна — борца за интересы простого народа, друга бедноты. Возникшие рабочие клубы в Англии явились школой, в которой воспитывались будущие деятели рабочего движения начала XIX в. Еще в ноябре 1791 г. на обеде «Революционного общества» был провозглашен тост: «За г-на Пейна с благодарностью за его защиту прав человека». Пейн в ответ предложил тост: «За революцию во всем мире!» Эти слова Пейна передавались в Англии из уст в уста. Их навсегда запомнил Томас Гарди.

Английское правительство и реакционные элементы не остались безразличными к такому оживлению демократической жизни в стране. Радикалы и республиканцы подверглись гонениям и репрессиям. С криками «Церковь и король! Будь проклято охвостье!» приверженцы ториев нападали на радикалов. В Бирмингеме были разгромлены дом и лаборатория философа-материалиста ученого Пристли, в Манчестере разгромили редакцию газеты «Геральд», которую редактировал Купер. Монархисты повсюду открыто проклинали и поносили Пейна. До сих пор в Пейновском музее в Нью-Рошели выставлена пивная кружка с грубыми надписями против Пейна. Джентльмены набивали на каблуки гвозди в виде инициалов Т. П., по-

казывая этим, что они попирают принципы Пейна (см. 36, т. I, стр. 406). Они подстерегали его на улице, чтобы избить. Они сжигали на кострах написанную им книгу и изображавшие его фигуры. Книгопродавцы, распространявшие «Права человека», были оштрафованы и брошены в тюрьму. Полиция рыскала по домам, отбирая крамольную книгу, и преследовала тех, кто ее читал.

Разоблачая показной характер английской буржуазной демократии, К. Маркс писал в 1854 г. в газете «New York Daily Tribune»: «Не приходится удивляться, если «Права человека» Томаса Пейна были публично сожжены в этой свободной и благословенной стране» (2, стр. 365). И все же, несмотря на различные препятствия, книга Пейна доходила до читателя.

Недовольные антимонархическим памфлетом Пейна нашлись и в республиканской Америке. Некоторые видные политические деятели США, утратившие к этому времени революционный дух, не скрывали своего недовольства. Вице-президент США Джон Адамс говорил о памфлете Пейна: «Я ненавижу эту книгу и ее направленность от глубины души» (цит. по 75, стр. 196).

Английским властям, которые инспирировали антипейновские митинги, мало было преследования «Прав человека», им нужен был сам автор. Тучи над Пейном сгустились. Тем временем он получил официальное сообщение об избрании его во французский

Конвент. 12 сентября 1792 г. из Дувра отчалило судно, на котором Пейн отплыл во Францию.

В Англии продолжались организованные короной, аристократами и зажиточной буржуазией выступления против Пейна. Эти провокации должны были послужить удобным предлогом для его судебного преследования. 18 декабря начался суд. Пейн, бывший в то время во Франции, был обвинен в заговоре против английской монархии и объявлен вне закона. Три месяца назад, покидая Англию, великий мыслитель и революционер и не думал, что возвратиться на родину ему не придется никогда.

4. В БУРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Когда Пейн прибыл во Францию, его окружал ореол славы мужественного борца и мученика за дело свободы и равенства народа. В Кале, где он высадился 13 сентября, его ожидал торжественный прием. Скромный человек и труженик, не любящий помпезности, он был встречен ликующей толпой и выстроенным для почетной встречи отрядом Национальной гвардии. Офицер обнял его и преподнес национальную кокарду, которая здесь же была прикреплена к его шляпе. Толпа горожан с восклицаниями «Да здрав-

ствует Томас Пейн!» проводила его в гостиницу.

В муниципалитете с приветствием к нему обратился мэр. Пейн выслушал переведенную на английский язык речь, приложив руку к сердцу, и ответил, что его жизнь будет посвящена делу французов.

Еще до приезда его во Францию в августе 1792 г. Законодательное собрание приняло декрет, предоставлявший французское гражданство выдающимся революционерам-иностранцам Пейну, Вашингтону, Пристли, Анахарсису Клоотсу, Песталоцци и др.

Пейн оказался во Франции в разгар революционных событий. Буквально за месяц до его приезда, 10 августа, была свергнута монархия. Революционная Парижская коммуна низложила Людовика XVI, арестовала его и заключила в замок Тампль. После начала революции в 1789 г. это был второй сильнейший удар по феодальному строю во Франции. По настоянию революционных секций Парижа состоялись выборы Национального конвента, который шел на смену Законодательному собранию.

Пейн был избран в Конвент от четырех департаментов, но, поскольку он мог быть представителем лишь от одного, он выбрал департамент Па-де-Кале.

В Конвенте, который приветствовал Пейна, появившегося там 19 сентября, шла, как и во всей стране, ожесточенная борьба. Революционные силы, представленные якобин-

цами во главе с Робеспьером, выступали против консервативных элементов торгово-промышленной буржуазии — жирондистов, препятствовавших дальнейшему углублению революции. Большинство в Конвенте составляло так называемое болото — депутаты от средних слоев буржуазии и зажиточного крестьянства.

В Конвенте Пейн немедленно окунулся в кипучую и напряженную работу. Вместе со всеми депутатами он на первом заседании Конвента 21 сентября приветствовал провозглашение Франции республикой.

В октябре Пейн был назначен членом комитета по выработке новой конституции Франции, в который вошли также Кондорсе, Дантон, Петион, Барер и др. Среди проектов конституции был и составленный на сорока пяти страницах проект Пейна, к сожалению не сохранившийся. Он говорил Дантону, что французская конституция должна побудить европейские народы последовать примеру Франции (см. 43, стр. 176).

Важным вопросом, который стоял перед Конвентом, было решение судьбы свергнутого короля Людовика XVI. Горячие дебаты по этому вопросу шли с ноября 1792 по январь 1793 г. Документами было установлено, что Людовик XVI изменил Франции, оказавшись в связи с контрреволюционерами-эмигрантами и интервентами. Якобинцы во главе с Робеспьером требовали смертной казни. Пейн выступил против казни короля. Не

зная французского языка и плохо ориентируясь в происходящей политической борьбе, Пейн по существу солидаризировался с жирондистами, которые не прочь были прикрыть свои контрреволюционные планы его революционным именем. Пейн, опасаясь интервенции Англии и помня, что Людовик XVI оказал помощь Америке, говорил, что не следует мстить королю, а надо использовать суд над ним, чтобы показать, что существует международный заговор против революции, и это послужит стимулом для подъема революции в других странах. Пейн не понял, что американская и французская революции происходили в различных условиях, что французы оказались перед лицом всей реакционной Европы, которая уже вела против них войну. В январе 1793 г. решением большинства Конвента Людовик XVI был приговорен к смертной казни.

Якобинцы после прихода к власти в результате революции 31 мая—2 июня 1793 г. были вынуждены ввиду оказываемого им сопротивления прибегнуть к революционному террору. Пейн, исходя из абстрактного гуманизма, осуждал их за это.

Конечно, часть якобинцев с подозрительностью относилась к Пейну из-за его связей с жирондистами. Положение Пейна сильно ухудшилось после того, как 25 декабря Конвент принял декрет о том, что «ни один иностранец не может быть представителем французского народа». 28 декабря 1793 г. на осно-

вании закона о враждебных иностранцах (имевшего в виду англичан) Пейн был арестован. Главную роль в его аресте сыграли интриги американского посла в Париже Губернера Морриса. Он принадлежал в Америке к партии федералистов, был ставленником торгово-промышленной и финансовой буржуазии и давнишним идейным противником Пейна, к которому питал антипатию. Особенное озлобление Морриса вызвала деятельность Пейна, направленная на установление контакта между якобинским правительством и правительством США в целях создания военного союза против Англии. Именно Моррис содействовал тому, чтобы осталось без ответа Конвента ходатайство группы проживавших в Париже американцев (Барло и др.) об освобождении Пейна как американского гражданина.

В люксембургской тюрьме Пейн пробыл больше десяти месяцев, и только случайность спасла его от гильотины. Однажды, когда намечалась очередная группа заключенных для казни, страж ошибочно написал мелом номер на двери камеры Пейна с внутренней стороны. Когда дверь оказалась закрытой, пометка, означавшая, что заключенный должен быть казнен, не была видна. Так смерть снова миновала Пейна.

Перед своим арестом в 1793 г. Пейн закончил первую часть «Века разума» — важнейшего сочинения, посвященного вопросам философии и критике религии. Не надеясь,

что останется в живых, Пейн сумел передать рукопись Барло, который и сохранил ее. В ноябре 1794 г. Пейн благодаря усилиям нового американского посла в Париже, Монро, был освобожден, поселился у него в доме, где и закончил вторую часть своего большого труда, начатую им еще в тюрьме.

В начале 1794 г. книга была издана. Вторая часть «Века разума» была опубликована в 1795 г.

Впервые книга Пейна «Век разума» была издана во Франции, сначала на английском языке, а потом и на французском, в переводе жены Кондорсе. В Англии, где, как мы писали, Пейн был объявлен вне закона, издание и распространение его сочинений всячески преследовались. Так, например, Даниэль Итон, издавший памфлет Т. Пейна «Исследование пророчеств», был приговорен к стоянию у позорного столба и к 11-месячному тюремному заключению. В 1819 г. Ричард Карлейль за издание «теологических» сочинений Пейна был оштрафован на 1500 ф. ст. и приговорен к трем годам тюремного заключения. «Безбожная» книга Пейна в огромной мере способствовала распространению неверия в США. В 90-х годах XVIII в. Лимэн Бичер писал, что в Йельском колледже «это были дни неверия и господства школы Томаса Пейна. Студенты... читали Пейна и верили ему. Я его тоже читал и боролся против него по всем линиям... Но большинство юношей из класса были неверующими.

Они называли друг друга — Вольтер, Руссо, Даламбер и т. д.» (цит. по 67, стр. 21).

В университете Северной Каролины книга «Век разума» также была популярна среди студентов. В 1796 г. миссионер Роббинс сообщал, что «Век разума» получили в Вермонте, где «его ожидали с нетерпением». Вскоре об этом же сообщали из Индианы. По свидетельству современников, «Век разума» передавали из рук в руки, книгу можно было найти в каждой таверне, лавке и доме, о ней объявляли газеты, ее бесплатно распространяли деистические организации. «Век разума» приобрел широкую популярность благодаря своей простоте, ясности и убедительности.

Церковники США, связанные с консервативной федералистской партией, ополчились против Пейна. Богословы распространяли о нем небылицы, Тимоти Дуайт, Дэвид Таппан и другие запугивали простаков, что против христианства существует заговор, вдохновляемый организациями иллюминатов, масонов и другими тайными обществами. Вскоре после освобождения из тюрьмы Конвент восстановил Пейна в правах делегата, но он не рассчитывал оставаться во Франции. Весной 1795 г. он хотел вернуться в США, куда стремился всей душой. Однако обстоятельства складывались так, что прошло семь долгих лет, прежде чем Пейн сумел покинуть Францию, где верх взяла контрреволюционная буржуазия.

Годы, проведенные Пейном во Франции Директории и Консульства, заполнены энергичной деятельностью. В 1795 г. он опубликовал «Рассуждение о первоначалах государства», где выступил против выработанной Конвентом антидемократической конституции, которую в речи 7 июля 1795 г. характеризовал как «противную разуму и несовместимую с истинными принципами свободы» (17, т. II, стр. 589).

В ряде работ этого периода Пейн продолжает пропагандировать деизм. В 1797 г. он опубликовал открытое письмо английскому адвокату Т. Эрскину «Судебное преследование «Века разума»». Эрскин выступил против Т. Вильямса, обвиненного английским правительством за издание «богохульной» книги «Века разума» Пейна, хотя в 1792 г. сам защищал от нападок властей «Права человека».

В защиту деизма Пейн в январе 1797 г. произносит речь в обществе теофилантропистов «О существовании бога». В июле 1798 г. он печатает в газете «Редактор» свое письмо «О почитании бога и церковных колоколах», в котором выступает против роялистов, требовавших вернуть католической церкви во Франции ее привилегии.

Еще в 1796 г. английский епископ Ландафский Ричард Уотсон выступил с «опровержением» «Века разума» Пейна в сочинении «Апология Библии». Пейн начал писать ему ответ, который, по его замыслу, должен

был явиться третьей частью «Века разума».

Помимо статей, направленных против господствующих религиозных воззрений, Пейн в эти годы создает интересные политико-экономические работы, а также активно участвует в политической жизни, высказываясь в прессе по различным политическим вопросам.

В труде «Аграрная справедливость» Пейн, глубоко убежденный в том, что «революция в самом состоянии цивилизации является неотъемлемым спутником революции в системе правления» (18, стр. 393), развивает смелую, но утопическую идею ликвидации имущественного неравенства, разделения общества на богатых и бедных при сохранении существовавшего социально-экономического строя. Разработанный им конкретный план реализации этой идеи сводился к уплате собственниками ренты и созданию из нее фонда для компенсаций обезземеленным, а также для пенсий престарелым.

В работе «Упадок и крах английской финансовой системы» Пейн продолжает линию, начатую еще в серии статей «Американские кризисы». Он доказывает порочность английского государства, исходя из слабости его финансовой системы. Бремя национального долга все более возрастает после каждой войны, которую ведет Англия; в результате инфляции в конце концов неизбежен будет крах Английского банка, за которым последует и гибель английской монархии.

Пейн резко выступил против заключения Соединенными Штатами торгового договора с Англией в 1796 г., явно ущемлявшего интересы США (договор Джея). Он обвинял в пробританской политике федералистские элементы, сильные в американском правительстве. Эта политика, доказывал Пейн, наносила ущерб дружественным франко-американским отношениям, в которых США нуждались. В письме к видному государственному деятелю Талейрану Пейн предлагал вернуться к политике вооруженного нейтралитета, чтобы противопоставить ее политике Англии. Пейн выступал в печати с предложением об организации международного торгового сотрудничества и заключении с этой целью морского договора. Он развивал мысль об организации вторжения в Англию с целью окончательного свержения английской монархии.

Можно только удивляться, с какой энергией шестидесятилетний Пейн писал статьи, памфлеты, вел переговоры с официальными и частными лицами, встречался, беседовал и переписывался с десятками людей.

Все эти годы Пейна не покидала мысль уехать в США. Он хотел весной 1797 г. выехать из Франции вместе с отозванным в Америку послом Монро, но от этой попытки пришлось отказаться: была опасность быть захваченным английским военным кораблем, так как Пейн в Англии по-прежнему оставался вне закона.

В октябре 1800 г. Пейн просил Джефферсона, бывшего тогда вице-президентом, помочь ему вернуться в США на американском фрегате. Вскоре обстановка изменилась в благоприятную сторону. В 1801 г. между воевавшими Францией и Англией был заключен Амьенский мир. В конце того же года в США президентом был избран друг Пейна республиканец Джефферсон. 1 сентября 1802 г. Пейн отплыл из Франции, а через два месяца сошел с корабля в Балтиморе на американскую землю. Собравшаяся на пристани огромная толпа почитателей Пейна шумно приветствовала национального героя. Но это была лишь первая встреча. Америка приготовила 60-летнему ветерану войны за независимость не только дружеские улыбки...

5. СНОВА В АМЕРИКЕ. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

За пятнадцать лет, которые Пейн не был в Соединенных Штатах, положение в стране существенно изменилось.

В республике вполне определилось господство капитала, и революционно-демократические идеалы, которым правящие круги начали изменять уже в ходе войны, были в большой мере преданы забвению. В обстановке борьбы прогрессивных и реакционных сил, группировавшихся вокруг двух партий — республиканской и федералистской, приезд

Пейна не мог пройти незамеченным. Крупные собственники и их партия федералистов встретили Пейна с откровенной враждебностью. Его радикальные философские и политические идеи противоречили их взглядам и убеждениям. Чтобы подорвать авторитет Пейна в массах, их газеты писали о нем как о «лжеце, пьянице, неверующем» (цит. по 75, стр. 309), критиковали Джефферсона за посланное им Пейну приглашение вернуться в Америку. От Пейна отвернулись даже старые друзья. Врач и философ Бенджамин Раш был настолько шокирован «Веком разума», что не пожелал с Пейном встретиться. Пейна не принял давний знакомый полковник Роджерс (см. 75, стр. 319). Джон Адамс говорил о Пейне как о «ничего не стоящем человеке» (цит. по 75, стр. 311). Сэмюэль Адамс, также революционный деятель, просил Пейна больше не писать трудов о «неверии» (64, стр. 125).

По-иному встретили Пейна сторонники Джефферсона — республиканцы и прогрессивные группы американских деистов. Они нашли в нем боевого пропагандиста своих идей.

В республиканской газете «Нэйшнл интеллидженсер» Пейн опубликовал восемь писем «К гражданам Соединенных Штатов», в которых поддерживал политику Джефферсона, отстаивал демократические институты, резко выступал против федералистов и обвинял их в том, что они рассматривают

«правительство как выгодную монополию», что они пытаются вернуть США к наследственной монархии, что они запугивают народ вымыслами о грозящем Америке внутреннем заговоре и французском вторжении.

Политические и социальные взгляды Пейна возмущали господствующие в Америке буржуазно-плантаторские круги. Особенно опасными для них были его призывы к уничтожению неравенства в собственности, с которыми он выступал в своей работе «Аграрная справедливость», известной в США. Как пишет Фонер, Пейн хотя и не шел в этом вопросе так далеко, как бабувисты, но «объективно оправдывал восстание с целью уничтожения социального неравенства в отношении собственности» (57, стр. XXXIX).

Свои антиклерикальные взгляды, в которых раскрывались идеи «Века разума», Пейн высказывал в деистических изданиях «Храм разума» и «Перспектива или обозрение нравственного мира». В последнем журнале, издававшемся известным американским деистом Элиху Пальмером (1746—1806), Пейн в 1804 г. опубликовал статьи: «О слове «религия»», «Вавилонская башня», «Каин и Авель», «О религии деизма и ее сравнение с христианской религией», «К членам общества, называющим себя «Миссионерским обществом»», «О Ветхом и Новом завете» и др.

В 1807 г. Пейн публикует в США изданный еще ранее во Франции «Опыт о сне» и «Исследование мест Нового завета, цитируе-

мых из Ветхого завета и называемых пророчеством об Иисусе Христе».

Наконец Пейн пишет работы, материал которых предназначался для третьей части «Века разума» и которые увидели свет лишь после смерти автора: «Происхождение франкмасонства», написанное в 1805 г., было опубликовано в 1818 г. и «Предопределение», где осуждалось кальвинистское учение о предопределении, написанное незадолго до смерти и напечатанное в 1820 г.

Понятно, что «богохульные» статьи Пейна, и особенно известный повсюду в Америке «Век разума», вызвали в реакционных и ханжеских кругах ненависть и злобу. Особенно неистовствовали церковные круги. Проповедники грозили верующим адскими муками за чтение «Века разума», а имя Пейна ставили в ряд с дьяволом. Усердствовали религиозные фанатики: в Трентоне хозяин дилижанса, узнав Пейна и опасаясь, что гнев господний поразит лошадей молнией, отобрал у Пейна билет и просил отойти от лошадей. В 1806 г. в Нью-Рошели, где жил Пейн, ему было отказано в праве участвовать в выборах.

В довершение политических и моральных невзгод, которыми была полна жизнь Пейна в Соединенных Штатах, куда он так стремился, еще недавно прославляя их как убежище для всякого свободомыслящего, частные дела этого бескорыстного, честного и гуманного человека складывались далеко не

удачно. Последние годы, как, впрочем, почти всю жизнь, Пейн бедствовал. Его многочисленные труды, публиковавшиеся огромными тиражами в Европе и в Америке, во многих странах принесли автору всемирную славу и никакого дохода. Пейн как-то подсчитал, что, если бы «Здравый смысл» продавался по обычной цене, его доход составлял бы в одной Пенсильвании 1000 фунтов в день. Но он сам заботился, чтобы его книги были по своей цене доступными беднякам. Так, например, он был недоволен, что первое издание «Прав человека» было напечатано в одном томе с «Размышлениями» Бёрка и «высокая цена не позволила большинству людей купить книгу» (цит. по 45, стр. 160), поэтому он сразу же предпринял дешёвое издание «для выгоды и информации бедных, по цене тридцать шиллингов за сотню» (цит. по 45, стр. 160).

Отвечая своим политическим противникам и богословам и как бы подводя итог своей нелегкой жизни и нелегкого труда, Пейн незадолго до смерти писал в филладельфийской «Авроре»: «Побуждением и целью всех моих политических работ, начиная со «Здравого смысла», моей первой опубликованной работы, было избавить человека от тирании лживых систем и лживых принципов правительства, дать ему возможность стать свободным и учредить правительство для себя. При каждом действии, предпринятом ради этой цели, я подвергал себя опасности в Ев-

ропе и в Америке. Побуждением и целью всех моих публикаций по религиозным вопросам, начиная с первой части «Века разума», было привести человека к разуму, который бог дал ему, внушить ему великие принципы божественной нравственности, справедливости, милосердия и благожелательного расположения ко всем людям и творениям; возвысить в нем дух веры и утешения в творце, не скованный сказками и выдумками книг, какими бы изобретенными названиями они ни назывались» (17, т. II, стр. 1480).

Пейн, гонимый врагами и клеветниками, порочащими его, готов был покинуть США, но для этого у него не было сил.

Последние два года он часто болел и был по существу инвалидом. И все же его по-прежнему видели за столом, читающим книги, газеты или пишущим. С февраля 1809 г. за ним требовался постоянный уход, он все более слабел и не мог подниматься. Прикованный к постели и забытый былыми друзьями, Пейн был рад всякому посетившему его. За два с половиной месяца до смерти Пейн просил квакерскую общину разрешения быть захороненным на ее кладбище. В просьбе ему было отказано. 5 июня находившийся у умирающего врач Мэнли спросил его, верит ли он в то, что Иисус Христос был сыном божьим. Пейн ответил: «Я не хочу верить в это». Утром 8 июня 1809 г. Пейна не стало. На похоронах великого мыслителя было лишь

несколько ближайших друзей, не оставлявших его в последние дни.

Но и после смерти Пейн не обрел покоя. Английский журналист Уильям Коббет, когда-то относившийся к Пейну враждебно, а затем восторгавшийся им, решил захоронить останки мыслителя на его родине и воздвигнуть ему памятник. В 1819 г. он вырыл из могилы останки Пейна и отправил их в Англию. Но средств для реализации своего плана он не собрал. Останки Пейна сначала хранились у него в доме, потом находились у разных лиц, пока следы их не затерялись.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

Мировоззрение Пейна сложилось под влиянием учений передовых английских и французских мыслителей. Пейн был образованным человеком с широким кругозором, и в своих сочинениях и переписке он упоминает авторов социологических, политических и экономических теорий того времени. Мы встречаем там имена Гроция и Спинозы, Локка и А. Смита, Монтескье и Руссо, Вольтера, Рейналя, Тюрго, Кенэ и др. Однако, оценивая мировоззрение Пейна, его вклад в понимание общественного развития, нужно не только учесть связь его идей с учением того или иного мыслителя, но прежде всего иметь в виду, что его теории рождались в классовых боях, активным участником которых он был. Оригинальность идей Пейна и формы, в которой он их выражал, определяется осмыслением усвоенных им социально-политических учений в условиях революционного движения Америки и Европы.

Учение Пейна об обществе и государстве, о революциях, о войне и мире и о других

социальных, экономических и политических явлениях в основном изложено в крупнейших его трудах: «Здравый смысл», «Права человека» и «Аграрная справедливость». Эти труды он создавал в различных условиях: первый — накануне войны американских колоний за независимость от Англии, второй — в разгар французской революции, третий — в обстановке укрепления буржуазного строя во Франции после революции. Естественно, что социально-политические концепции Пейна не оставались неизменными. В них находили отражение события, очевидцем и участником которых он был. В них по существу рассматривался опыт буржуазных революций XVIII в.

Во всех своих суждениях Пейн оставался сыном своего века — века Просвещения и революций.

1. ОБ ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

С самого начала литературной и политической деятельности Пейна в центре внимания его, как и других просветителей XVIII в., была проблема общества и государства, их происхождения, функций, взаимоотношений. В условиях революционного освобождения американских колоний от полуфеодальной Англии, пытавшейся сохранить в Америке феодальные институты, и назревания кризиса феодальных порядков в

Европе вопрос о том, каким будет новый общественный строй, был вполне естественным. В отличие от авторов, смешавших понятия «общество» и «государство», Пейн понимал, что общество и государство (или, по Пейну, правительство, — эти два понятия он четко не разграничивал) не тождественны друг другу, что «это вещи не только разные, но и разного происхождения» (18, стр. 21). Общее между ними лишь то, что они возникли «естественным путем» и, следовательно, теологические объяснения их как явлений, управляемых богом, лишены всяких оснований. Будучи деистом, Пейн трактовал бога как первопричину, прототип природы и общества, которые, однажды возникнув, развиваются на основе своих собственных принципов (законов). Между обществом и государством есть существенное различие, поскольку первое предшествует второму. Первое — причина, второе — следствие.

В «Здравом смысле» Пейн объясняет возникновение общества тем, что человеку трудно жить в одиночестве, принимая во внимание как материальные условия его существования, так и особенности его психики. «Сила одного человека настолько не соответствует его потребностям... что он вскоре будет вынужден искать помощи и облегчения у другого, который в свою очередь нуждается в том же» (18, стр. 22). Эту мысль Пейн подчеркивает неоднократно. Во второй части «Прав человека» он пишет: «Обоюдная

зависимость [человека от человека] и взаимная заинтересованность человека в человеке и всех частей цивилизованного общества друг в друге создают ту великую связующую цепь, которая держит их вместе» (17, т. I, стр. 357).

Пейн приходил к выводу, что нужда людей в совместном трудовом процессе заставляет их сплотиться в общество.

Прогрессивные мысли Пейна о том, что реальные жизненные потребности людей являются фактором, ведущим к образованию социальных связей между ними, что общество, как и природа, развивается по своим собственным законам, без божественного вмешательства, составляют материалистический элемент его социологических воззрений.

Пейн, однако, не выделяет трудовую деятельность в качестве базиса социальной жизни человека. В ней он видит лишь один из многих факторов общественного развития. Не менее важным признается стремление к постоянному общению, возникающее из неспособности человека к одиночеству. Люди «в состоянии естественной свободы... прежде всего помыслят об обществе», — писал он (18, стр. 22).

Пейн, объясняя причины существования общества, доходит до необоснованного утверждения о свойственной человеку от природы «системе социальных склонностей», которые также побуждают его к объединению в общество. Природа «не только застав-

ляет людей [объединяться] в общество из-за различных нужд, которые могут быть удовлетворены взаимной помощью друг другу, но она вложила в человека систему социальных склонностей, которые хотя и не необходимы для его существования, но необходимы для его счастья» (17, т. I, стр. 357). Пейн не доходит до понимания того, что сама психическая жизнь людей объясняется материальным бытием как явление общественно обусловленное. Пейн искренне верит, что действительная причина общественного развития заключается в истинных, а не лживых мнениях людей, в человеческом разуме. Пейн, как и другие буржуазные просветители, его современники, в основном идеалистически объясняет явления общественной жизни.

Признавая объективный характер законов развития природы и общества, он не понял специфического различия между ними. Находясь под властью механистических представлений, он ошибочно отождествлял их. Он считал, что законы общества есть законы природы. Законы ремесла и торговли, касаются ли они связей между отдельными личностями или нациями, есть законы взаимного интереса. Их выполняют, следуя естественному интересу сторон поступать так, а не из-за каких-либо формальных законов, которые может вводить правительство. В результате понимания общественных закономерностей как естественных неизбежна

была идеализация Пейном современных ему буржуазных отношений.

Социологическое учение Пейна основано на теории естественного права, выдвинутой идеологами восходящей буржуазии. Он защищает единство человеческого рода и, следовательно, равенство прав людей: «...я хочу сказать... что все люди по роду своему едины и, стало быть, все они рождаются равными и имеют равные естественные права, как если бы потомство обеспечивалось сотворением вместо размножения» (18, стр. 203).

Под естественными правами Пейн подразумевает такие, «которые принадлежат человеку по праву его существования. Сюда относятся все интеллектуальные права, или права духа, а равно и право личности добиваться своего благоденствия и счастья, поскольку это не ущемляет естественных прав других» (18, стр. 204). Естественные права, как мы увидим далее, составляют, по Пейну, основу права гражданского.

Согласно Пейну, человеческое общество существует в двух состояниях: естественном (или общественном) и гражданском (или цивилизованном). Последнее отличается от первого наличием в нем государства. Под естественным состоянием Пейн подразумевает первобытнообщинный строй, указывая на современный ему пример: «...естественное и примитивное состояние человека... мы встре-

чаем у индейцев Северной Америки» (18, стр. 381).

По концепции Пейна, обществу свойствен исторический прогресс. Пейн утверждал, что возврата к прошлому нет: «Перейти от естественного состояния к цивилизованному можно всегда, но никогда нельзя перейти от цивилизованного состояния к естественному» (18, стр. 381). Такой переход от высшей к более низшей ступени общественно-экономического развития невозможен. Идея прогресса, выдвигавшаяся буржуазными просветителями, в условиях борьбы против феодального строя имела революционный смысл.

Пейн признавал, что развитие общества состоит в переходе хозяйства от примитивных к более высоким уровням через последовательные стадии — охоты, скотоводства, земледелия (см. 18, стр. 383). В свою очередь эти последние способствуют росту населения. Развитие общества, пишет Пейн, происходит «благодаря обработке земли, ремеслу и наукам» (18, стр. 382). Преимущества развитого, цивилизованного общества по сравнению с естественным состоянием «проистекают из сельского хозяйства, ремесел, наук и промышленности» (18, стр. 381). Что же является движущей силой прогресса общества? По мнению Пейна, в основе прогресса лежит общий интерес — стремление людей к выгоде. Именно поэтому, как справедливо было замечено исследователями, в своих

памфлетах Пейн неизменно конкретно указывает, какую выгоду извлекут различные слои общества из предлагаемого им плана, будь то политического («Здравый смысл») или экономического («Аграрная справедливость») (см. 25, стр. 173). Классовую сущность принципа интереса раскрыли Маркс и Энгельс, которые в «Немецкой идеологии» писали, что эта теория «есть исторически правомерная философская иллюзия насчет поднимавшейся тогда... буржуазии, чью жажду эксплуатации еще можно было изображать как жажду полного развития индивидов в условиях общения, освобожденного от старых феодальных пут» (5, стр. 410—411). В силу своей классовой ограниченности Пейн оставался в плену этой иллюзии.

Пейн, конечно, видел, что в обществе существуют богатые и бедные. Он с возмущением писал о социальном неравенстве, с присущей ему прямоотой и откровенностью говорил от имени бедноты, выступал против нищеты, против такого порядка цивилизации, который «так же несправедлив по своей сущности, как и страшен по своим последствиям» (18, стр. 392). Пейн, однако, был убежден, что с ликвидацией феодальных тиранических режимов, деспотических правительств, с победой Свободы восторжествуют Разум и Добродетель и все пороки цивилизованного общества исчезнут.

В типичном для буржуазной просветительской идеологии духе Пейн писал в «Здра-

вом смысле»: «Поскольку все люди от природы равны по происхождению, равенство это могло быть нарушено лишь впоследствии, различия между богатыми и бедными можно понять и не прибегая к таким неприятным и неблагозвучным словам, как угнетение и алчность. Угнетение часто является следствием, но редко или почти никогда — средством достижения богатства. И хотя скупость предохраняет человека от нужды, она обычно делает его слишком робким, чтобы стать богатым» (18, стр. 26). Так Пейн рассуждал на заре буржуазных революций, впоследствии он к этому добавил свои утопические планы ликвидации социальной несправедливости, но и тогда он не вышел по существу за пределы установившегося в конце XVIII в. господства буржуазии, не осознал всей глубины и непримиримости противоречий между капиталистами-предпринимателями и рабочими. В этих условиях он ратовал за то, чтобы, «не нанося ущерба никому» (18, стр. 391), «как ради защиты собственности, так и ради справедливости и гуманности создать систему, которая бы, предохраняя одну часть общества от нищеты, оберегала другую от разграбления» (18, стр. 393).

Пейн в «Правах человека» предлагает коренным образом улучшить положение бедняков путем введения справедливого налогообложения и использования поступлений от налогов в интересах бедноты. Его социальная программа борьбы с нищетой включает

установление пенсий старым и больным, устройство общественных мастерских, обучение и воспитание детей — словом, социально-культурные меры, способные, по его мнению, излечить общество от язв безработицы, невежества и нищеты. В «Аграрной справедливости» он предлагал образовать в этих же целях «национальный фонд», создаваемый из добровольных поступлений, но прежде всего из поступлений от того, что останется после смерти владельца собственности за вычетом из нее части, «равной по ценности естественному наследству, которое та поглотила» (18, стр. 385). Эти поступления происходят только после смерти владельца собственности, когда «завещатель ничего не отдает, получатель ничего не платит» (18, стр. 385).

По мнению Пейна, богатство и нищета — явления не вечные. Они — нарушение естественного права людей: «...нищета — это явление, порожденное так называемым цивилизованным образом жизни, и в естественном состоянии не существует» (18, стр. 381). Пейн борется против неравенства в распространении богатств, нарушающего естественное право, и постоянно повторяет: защищая дело обездоленных, «я добиваюсь не милости, а права, не щедрости, а справедливости» (18, стр. 389).

В чем же видел Пейн причину обогащения одних и обнищания других? Под влиянием физиократов и высоко ценимого им Адама Смита Пейн исследовал сферу производства,

а не обращения, с тем чтобы отыскать действительный источник возникновения богатства. В «Аграрной справедливости» он писал: ...накопление движимой собственности является во многих случаях следствием слишком малой платы за труд, который создал эту собственность, вследствие чего рабочего ждет ужасная старость, а предприниматель купается в роскоши» (18, стр. 392). Но Пейн не развил это важное суждение. Более того, он высказывал сомнение, добавляя: «Быть может, нельзя точно соразмерить цену труда с доставляемой им прибылью» (18, стр. 392).

Дальше отмеченной здесь догадки Пейн не пошел. Его учение, как и другие домарксистские экономические теории, не смогло объяснить сущность капиталистического способа производства, противоречия классовых интересов в эксплуататорском обществе.

Заслуживают внимания рассуждения Пейна о собственности. Буржуазные авторы (Дорфман и др.) изображают его сторонником мнения о вечности частной собственности, они приписывают ему признание права собственности естественным, утверждают, будто он защищал собственность от посягательства народных масс и будто план его сводился к передаче одной части собственности народу в целях спасения другой. Фальсификаторский характер этих утверждений вскрыт историками-марксистами за рубежом и в нашей стране.

В действительности Пейн различал «собственность» на естественные права, на свободу, «собственность» народа на конституцию и движимую и недвижимую собственность. Последние два вида собственности не являются вечными и естественными (см. 32, стр. 19—20).

Пейн в «Аграрной справедливости» показывает, как, по его мнению, возникла частная собственность. Земля в ее естественном, необработанном состоянии являлась общей собственностью человеческого рода, но так как, будучи обработанной, она может прокормить больше людей, чем в необработанном состоянии, то вместе с обработкой земли и возникает идея земельной собственности. Собственности не было ни на стадии охоты, ни на стадии скотоводства. Она возникает только с началом земледелия. «Первоначально не могло быть такого явления, как земельная собственность. Не человеком создана земля, и, хотя он и имел естественное право занять ее, у него не было права закрепить как свою собственность навеки какую бы то ни было ее часть. Точно так же не создатель земли открыл земельную контору, выпустившую первые документы на ввод во владение. Откуда же тогда возникла идея земельной собственности?» (18, стр. 383).

Пейн излагает свою концепцию происхождения и функций государства, исходя из теорий гражданских прав человека и обществен-

ного договора, имеющих открыто антифеодалную направленность.

Человек, вступая в общество, сохраняет свои естественные права, однако в новом своем состоянии он не всегда в силах воспользоваться теми правами, которые касаются его безопасности и защиты, и поэтому некоторые свои естественные права он отдает как бы в общий фонд общества как его член. Общество существует не для ограничения прав личности, а, напротив, для лучшего обеспечения этих прав. Пейн писал: «Несохраняемые естественные права суть все те, осуществление которых не вполне во власти человека, хотя само право присуще ему от природы. Он просто не может ими воспользоваться. Человек, например, наделен от природы правом быть судьей в своем собственном деле; и, поскольку речь идет о праве духа, он им никогда не поступает; но что ему за польза судить, если у него нет силы исправлять? По этой причине он отдает свое право обществу, частью которого он является, и отдает силе общества предпочтение перед своей собственной силой. Общество ничего не дарит ему. Каждый человек — собственник в своем обществе и по праву пользуется его капиталом» (18, стр. 205).

Из этих рассуждений Пейна следует, что гражданская власть не может и не должна посягать на естественные права человека, поскольку «безопасность является подлинным назначением и целью правительственной

власти» (18, стр. 21). Пейн идеализировал естественное состояние человека. Согласно Пейну, «правительство, подобно одеждам, означает утраченное целомудрие: царские дворцы воздвигнуты на развалинах райских беседок» (18, стр. 21). В рассуждениях Пейна сквозит мысль об исторической неизбежности возникновения государства, которую он объясняет тем, что общество вынуждено иметь законодателя, поскольку, как пишет Пейн, веления совести людей не всегда ясны, определены и беспрекословно выполняются. Вследствие «неспособности добродетели управлять миром» (18, стр. 23) сама жизнь требует возникновения государства. В результате у людей возникает идея общественного договора, посредством которого люди и могут осуществить свои гражданские права.

Буржуазные теоретики общественного договора XVIII в. черпали свои идеи из учения Гоббса о государстве. Гоббс, уподоблявший государство библейскому чудовищу Левнафану, писал, что «государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты», и выделял при этом три типа власти: монархию, аристократию и демократию, из которых первая, по его мнению, наилучшая. Пейн, как и Руссо, решительно отстаивает революционно-демокра-

тическое понимание общественного договора. Отмечая, что нельзя ставить следствие раньше причины, т. е. государство до человека, что государство имеет историческую, а не теологическую природу, Пейн пишет: «...сами индивиды, каждый в соответствии со своим личным и суверенным правом, вступили в договор друг с другом для образования правительства; и это единственный способ, каким имеют право создаваться правительства, и единственная основа, на которой они вправе существовать» (там же, стр. 206—207). Государство, по Пейну, — это собственность всего общества, а не отдельного человека или семьи, и поэтому «суверенитет как предмет права принадлежит только нации, а не какому-нибудь отдельному лицу. У нации всегда есть присущее ей неотъемлемое право уничтожить любую форму правления, которую она найдет неподходящей, и учредить такую, которая соответствует ее интересу, характеру и счастью. Каждый гражданин причастен суверенитету и, как таковой, может не признавать никакого личного подчинения, он может подчиняться только законам» (17, т. I, стр. 341).

По идее народного суверенитета, которую отстаивал Пейн, источником и обладателем полноты власти является народ. Эта идея в XVIII в. была сильным оружием буржуазии в ее борьбе против монархических сословных порядков и за утверждение своей политической власти. Современные же идеологи импе-

риализма пытаются изобразить господство монополий и банкиров в США как «превращение в жизнь» этой идеи Пейна и других радикальных просветителей. Д. Менг, искажая историческую истину, пишет: «Пейн не был безошибочным предсказателем. Однако в более широком смысле время подтвердило его веру в необходимость сохранения народного контроля над правительством вообще. Соединенные Штаты Америки с удивительным упорством придерживались этого принципа народного суверенитета» (цит. по 37, стр. 250).

Пейновская теория происхождения государственной власти носит идеалистический характер. По мнению Пейна, есть три источника этой власти: суеверие, сила и, наконец, «общие интересы общества и общие права человека» (18, стр. 206). Из этих источников соответственно возникают власти, существо которых просветитель определяет как господство духовенства, господство завоевателей и господство разума. Пейн ратует за последнее, за свой идеал — буржуазно-демократическую республику, которая возникает естественным путем «из недр общества или из общественного договора» (18, стр. 205).

Рассуждения Пейна об источниках государственной власти показывают, что он, как и его современники, не в силах был распознать действительные социально-экономические причины возникновения государства, но его рассуждения служили теоретической ба-

зой для антифеодальной борьбы против монархической власти и в сокрушении «старых порядков» они сыграли огромную роль.

В эпоху Просвещения и буржуазных революций XVIII в. Пейн был решительным и последовательным борцом против монархии и за республику. В этом отношении Пейну уступали и Вольтер, и Монтескье, и Дидро, и другие великие просветители, так или иначе готовые пойти на компромисс с монархией, с просвещенным абсолютизмом. Сам Пейн объяснял эту нерешительность условиями деспотического режима абсолютизма, в которых приходилось творить французским философам — предвестникам революции (см. 18, стр. 228).

На протяжении всей своей деятельности при всяком возможном случае Пейн повторяет, что он открытый враг монархии, и в особенности монархии наследственной. Он приводит сильные аргументы, находит яркие характеристики, убийственно обличающие антинародный характер монархической власти. В «Здравом смысле», в разделе «О монархии и престолонаследии», Пейн писал: «Зло монархии мы дополнили злом престолонаследия, и если первое есть ущерб и унижение для нас самих, то второе, будучи возведенным в закон, есть оскорбление и обман потомства. Ибо все люди по происхождению равны, и ни у кого не может быть прирожденного права дать своей семье преимущество перед всеми другими, и хотя сам чело-

век мог заслужить известную долю почестей от своих современников, однако его потомки могут быть вовсе не достойны наследовать их. Одним из самых сильных естественных доказательств нелепости прав престолонаследия является то, что их не одобряет природа, иначе она так часто не обращала бы их в насмешку, преподнося человеку о сла вместо льва» (18, стр. 29—30). Во времена полного господства монархий, в самом начале американской войны за независимость и еще до того, как произошла французская революция, Пейн на весь мир открыто провозглашал: «Один честный человек дороже для общества и для господ, чем все коронованные негодяи, когда-либо жившие на земле» (18, стр. 33).

В разгар французской революции Пейн писал в «Правах человека», что монархия всегда казалась ему глупой вещью.

Монархическому и аристократическому способу правления Пейн противопоставляет представительную систему правления в виде республики. Эти два способа правления имеют совершенно противоположные исходные принципы: первый — невежество, второй — разум. Пейн отдает предпочтение представительной системе правления в виде республики, наилучший пример которой «по духу и практике» он видел в тогдашних Соединенных Штатах Америки. Во второй части «Прав человека» он так раскрывает существо этой власти: «Республиканское правление —

не что иное, как правление, учреждаемое и осуществляемое в общественных интересах, как индивидуальных, так и коллективных. Оно не необходимо связывается какой-либо особой формой, но наиболее естественно ассоциирующейся с ней является представительная форма» (17, т. I, стр. 370).

Учение Пейна об обществе и государстве, имевшее в своей основе прогрессивные теории «естественного права» и «общественного договора», было обоснованием права народа менять антинародные режимы и устанавливать власть, отвечающую его целям и нуждам.

2. О РЕВОЛЮЦИЯХ

На почве великих исторических событий—американской и французской революций—расцвел талант Пейна, революционера-борца. Он чувствовал себя хорошо, когда находился в гуще событий, среди тех, как он говорил, кто в защиту разума восстает против тирании.

Великому просветителю было свойственно стремление теоретически понять революционные события, проникнуть в их внутренний смысл. Он предвидел, что со временем сложные перипетии политической борьбы станут яснее, экономические, военные и другие факторы революций приобретут в исторических описаниях более надежную фактическую опору, считал, что «с первого взгляда вещи, как

и люди, редко воспринимаются правильно» (17, т. II, стр. 215). Словом, как он писал в 1782 г. в письме к аббату Рейналю, «слишком рано еще писать историю революции» (там же). Тем не менее он сам начинает собирать материалы к истории американской революции, а в «Правах человека» дает яркий набросок истории французской революции.

Пейн высказал ряд интересных мыслей о причинах, развитии и сущности революций XVIII в. Он рассматривал буржуазные революции в Америке и Франции XVII в. как события всемирно-исторического значения, игравшие большую роль в общественном прогрессе. «Никогда не было столь выгодных возможностей для Англии и для всей Европы, как те, которые созданы двумя революциями в Америке и Франции. Благодаря первой свобода приобрела народного защитника в западном мире; благодаря второй — в Европе», — читаем мы в «Правах человека» (17, т. I, стр. 449).

Подводя итоги американской революции, Пейн писал в 1783 г.: «Величайшая и глубочайшая революция, которую когда-либо знал мир, славно и благополучно завершилась» (18, стр. 170). Эта пейновская оценка перекликается со словами К. Маркса, который отметил, что «американская война XVIII столетия за независимость прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии...» (3, стр. 9).

В речи 1792 г. Пейн говорил о влиянии американской революции на последующие события в Европе и подчеркнул, что тот же сильный дух, который обеспечил успех дела в Америке, обеспечит его и во Франции, потому что нельзя победить народ, который решил быть свободным. «Особая честь Франции в том, что она теперь подняла знамя свободы всех народов» (17, т. II, стр. 539).

Отвечая Бёрку, принижавшему значение французской революции, Пейн писал, что такие люди «не правомочны судить об этой революции. Размах ее слишком велик, чтобы они могли охватить его своим взглядом; в ней проявляется слишком мощный разум, чтобы они были в состоянии его постигнуть» (18, стр. 185).

Пейну чужд распространенный в его времена взгляд на революцию как на простую смену правителей. Для него это событие, коренным образом меняющее весь ход общественного развития. Такие примеры он видит в революциях XVII и XVIII вв. в Англии, Америке и Франции. То, что раньше называлось революциями, считает Пейн, было немногим больше, чем сменой лиц, стоявших у власти, изменением местных обстоятельств, но революции в Америке и Франции вызвали обновление естественного порядка вещей, системы всеобщих принципов.

Пейн, идеалистически объяснявший историю человечества, сводил в конечном счете содержание буржуазных революций к

перевороту в идеях, в принципах, к замене «старого правления новым правлением», искренне надеясь, что таким образом будет решена задача ликвидации тиранических режимов, преодолена социальная несправедливость и установлена свобода, равенство и счастье для всех слоев народа. В социально-экономических условиях того времени такой ход рассуждений исторически был оправданным.

Пейн приветствовал революционное движение, главным принципом которого было утверждение новой представительной системы правления вместо старой монархо-аристократической наследственной власти. Он исходит из того, что человек не враг человеку. Таким он становится из-за «ложной системы правительства» (17, т. I, стр. 343), и поэтому, вместо того чтобы реформировать отдельную личность, разум нации обращается к реформированию системы.

Хотя Пейн и оправдывал революционное насилие, преданный своей вере в величайшую силу Разума, он считал, что в конце концов Разум может помочь избежать нежелательных волнений при совершении революционного переворота. «Поскольку из просвещенного состояния человечества нетрудно понять, что наследственные правительства находятся на краю гибели, а революции на широкой основе национального суверенитета и представительного правления прокладывают путь в Европе, то было бы мудро лучше предвидеть их приближение и совершить револю-

ции на основе разума и соглашения, нежели допустить, чтобы они происходили путем потрясений» (17, т. I, стр. 344).

Сочетание у Пейна просветительской веры в силу разума с пониманием насущных нужд народа объясняет и его подразделение революций на «активные и пассивные». «Размышляя о революциях, легко постичь, что они могут возникать из двух различных причин: одни, чтобы избежать или освободиться от бедствия, другие, чтобы получить большее и положительное благо; обе они могут различаться по названиям на активные и пассивные революции. В тех, которые происходят по первой причине, характер становится гневным и раздраженным, а исправление [положения], вызванное [его] опасностью, слишком часто омрачается местью.

Но в тех, которые происходят по второй причине, сердце скорее воодушевленное, чем взволнованное, спокойно вникает в существо [дела]. Разум и дискуссия, убеждение становятся оружием в споре» (17, т. I, стр. 450).

Важнейшую причину революции Пейн видит в изменении мнений. Мнения людей, как и все в мире, непрестанно изменяются, и «то, что считалось правильным и уместным в одну эпоху, может быть сочтено неправильным и неуместным в другую» (18, стр. 182), решающее слово в таком случае принадлежит самим людям, они имеют право на революцию. Не ограничиваясь, однако, указанием на сознательность человеческих поступков, Пейн

отмечал, что в их основе лежат более глубокие обстоятельства. Так, объясняя причины американской революции, он выдвигает на передний план притеснение англичанами американской экономики и заключает, что так дальше продолжаться не могло, поэтому американцы и восстали. Говоря о французской революции, он доказывает, что причина восстания французов заключалась не в недовольстве личностью Людовика XVI, а в том, что во Франции были «тысячи деспотизмов, если можно так выразиться, выросших при наследственном деспотизме монархии и настолько укоренившихся, что они стали в значительной степени независимыми от монархии, нуждались в реформе. Монархия, парламент и церковь соперничали друг с другом в деспотизме; кроме того, на местах существовал деспотизм феодалов и повсюду — деспотизм исполнительной власти» (там же, стр. 186). Дальше таких общих рассуждений о феодальном деспотизме Пейн не пошел, но и его понимание непримиримости старого и нового образов правлений имело в условиях борьбы буржуазии против феодальных порядков прогрессивное значение.

Представляют интерес высказывания Пейна о том, что французская революция была подготовлена в идеологическом отношении. Революция возникла, как он считает, всего лишь как «следствие духовной революции, проходившей во Франции до этого. Сперва произошли изменения в умах нации,

и за новым строем мыслей последовал, естественно, новый порядок вещей» (18, стр. 227). В этой связи он рассматривает предшествовавшую революции деятельность французских философов-просветителей — Монтескье, который излагал «свои взгляды в завуалированной форме, и надо думать, что он сказал далеко не все, что мог», Вольтера, Руссо, Рейналя и других, которые имели «своей целью реформировать и сделать более экономичной скорее административную деятельность правительственной власти, нежели самую власть» (18, стр. 228). Пейн отдает им должное, говоря, что благодаря трудам этих философов по всей стране стал распространяться «дух политического исследования».

Пейн видит в американской и французской буржуазных революциях народные движения. Его симпатии полностью на стороне самых активных сил революции, выступивших против королевских министров, штурмовавших Бастилию и проявивших чудеса героизма. Такие действия народа были возможны благодаря воодушевлению идеей свободы. Он показывает рост сознательности народа в ходе революционного движения: «Огромные массы людей задавлены и принижены ради того, чтобы можно было придать тем больший блеск клоунскому балагану, именуемому государством и аристократией. В начале всякой революции эти люди верны скорее лагерю свободы, чем ее знамени, и

еще только должны научиться чтить ее» (18, стр. 196).

Пейн решительно отмечает клеветнические утверждения контрреволюционеров вроде Бёрка. Пейн показывает, что нельзя вменять в вину народу совершенные в этот период преступления, и объясняет действия многочисленного «слоя человечества, известного под названием сброда или невежественной черни» (18, стр. 196), непомерным унижением народа и возвышением аристократии. Пейн не оправдывает проявления жестокости в ходе революции, но он находит этому естественное объяснение: «Страхом стараются воздействовать на низшие слои народа, и на них же он производит наихудшее действие. У них хватает здравого смысла, чтобы понять, что все это направлено против них самих, и они в свою очередь поступают так, как их учат» (18, стр. 195). Такую же мысль высказывал и Бабеф, считавший, что позорные издевательства над народом научили его быть жестоким.

3. О КОНСТИТУЦИЯХ

Представления Пейна о сущности новой власти, устанавливаемой в результате революций, отражены в его многочисленных высказываниях о современных ему буржуазных конституциях. Критическому анализу конституций Англии, США и Франции он уделяет

внимание в ряде работ, а в «Правах человека» посвящает этому целые разделы, и в частности всю четвертую главу второй части. При этом он исходит из теорий естественного права и общественного договора.

Пейн так определяет конституцию: «Конституция — это не одно название, а реальная вещь, она существует не только в воображении, но и в действительности, и там, где ее нельзя показать в видимой форме, — там ее нет. Конституция есть вещь, предшествующая государству; государство — это всего лишь детище конституции. Конституция некой страны есть акт не правительства, а народа, создающего его [правительство]» (18, стр. 207).

Конституция содержит принципы, на которых основываются структура, полномочия, способ избрания и продолжительность государственной власти. Эта последняя может действовать лишь в соответствии с принятыми законами.

Начиная со «Здравого смысла» и далее на протяжении всей своей деятельности, Пейн подвергает уничтожающей критике «хваленую» конституцию Англии как «несовершенную» и лишаящую народ его естественных прав.

Как известно, английский конституционно-монархический строй XVIII в., отражавший классовый компромисс между буржуазией и феодальной аристократией, явился идеалом для верхушки буржуазии Франции и

других стран. Пейн же был неудовлетворен английской конституцией и изобличал ее пороки, добиваясь, чтобы ими не страдали конституции при создании нового правления в других странах.

Пейн обращает внимание на то, что английская конституция состоит из трех частей: «остатков монархической тирании», «остатков аристократической тирании» и «новых республиканских элементов» (палата общин). Вопреки утверждениям защитников английской конституционной монархии палата общин фактически не играет никакой роли в государственном управлении, поскольку король пользуется полной властью над палатой, может отвергать предложенные ею законопроекты и от него зависит раздача должностей и пенсий.

По Пейну, «...правительства либо возникают из народа, либо утверждаются над народом» (18, стр. 208). Англия дает пример последнего. «Английское правительство — одно из тех, которые возникли из завоевания, а не из общества, и, следовательно, оно утвердилось над народом» (18, стр. 208). Между тем только нация (Пейн имеет в виду все слои народных масс) в ее «первоначальном виде» может учреждать и преобразовывать правительство. Английский парламент не является самостоятельным и действительно представительным органом. Пейн пишет, что этот парламент подобен человеку, который сам себе ссужает деньги под залог, а в

случае злоупотребления выступает в роли преступника, который сам себя судит. Обе палаты парламента возникли не в силу неотчуждаемых прав народа, а с дозволения короля. Никакие акты, изданные в Англии ранее, не заменяют подлинной конституции и фактически обрекают народ на бесправное существование.

Пейн противопоставляет английской конституции буржуазные конституции Соединенных Штатов и Франции, причем, по мере того как обнаружилось стремление буржуазии лишить конституции этих стран их демократического характера, Пейн резко выступал против таких посягательств.

Принципы демократической республиканской власти в Америке были провозглашены в Декларации независимости 4 июля 1776 г. Эти принципы и легли в основу конституций отдельных штатов. В качестве примера демократической конституции Пейн берет конституцию Пенсильвании (равной по территории Англии), выработанную в 1776 г. собранием представителей графств штата под председательством Франклина.

Эта конституция была опубликована для всенародного обсуждения, а после того как была одобрена им, была подписана и «провозглашена по уполномочию народа» (17, т. I, стр. 377). В конституции отражены права, форма правительства и власть, которой оно будет располагать, способ выборов и пропорциональность представительства к числу

избирателей и т. п. Было установлено, что один раз в семь лет конституция будет подвергаться пересмотру и в нее будут вноситься необходимые изменения и дополнения.

Пейн высоко оценивал прогрессивный характер подобных американских конституций: «Американские конституции были для свободы тем же, чем для языка грамматика, которая определяет части речи и практически сочетает их в предложения» (18, стр. 229—230). Но это не мешало ему видеть и их недостатки. Так, недостатком пенсильванской конституции 1776 г. Пейн считал то, что она обрекает законодателей при выработке законов на слишком большую поспешность. Поскольку в конституции «не были определены время для [публичного] обсуждения [законопроектов] и способы сбора результатов этого обсуждения, а в штате не было газет, кроме тех, что издавались в Филадельфии, хорошая и разумная цель [обсуждение] осталась лишь формой» (17, т. II, стр. 1001). Пейн был убежден, что народные массы могут и должны сами управлять страной. Поэтому его критические замечания в адрес американской конституции являлись ее демократической критикой слева. Тем не менее Пейн положительно оценивал основу этой конституции, поскольку она соответствовала Декларации независимости и Декларации прав. Именно поэтому Пейн выступал против неоднократных попыток консервативных кругов штата — торгово-промышленной буржуа-

зии свести на нет демократические положения конституции (см. 17, т. II, стр. 990). В конце концов им этого удалось добиться в 1790 г. под предлогом, что необходимо привести эту конституцию в соответствие с федеральной конституцией 1787 г.

Конституция 1787 г. была принята в США в обстановке реакции, последовавшей за подавлением начавшегося после войны за независимость демократического движения и восстания Шейса 1786 — начала 1787 г. Плантадоры-рабовладельцы юга и банкиры, ростовщики, промышленники севера объединились против демократии для укрепления своих позиций. Средство для этого они увидели в замене «Статей конфедерации» (конституции 1781 г.), предоставлявших значительную самостоятельность штатам, новой конституцией, учреждавшей союз штатов с сильной центральной властью во главе с президентом, двухпалатным конгрессом и верховным судом, обладавшим правом толковать конституцию.

В эту конституцию не была включена «Декларация независимости», и в ней не нашли отражения демократические завоевания американской революции, даже в их ограниченном буржуазном понимании, — свобода слова, печати, совести и т. п. Разработка этой конституции Конвентом под председательством Вашингтона проходила втайне, чтобы не вызвать нового возбуждения народных масс.

Пейн всегда выступал за сильное центральное правительство, способное объединить американские штаты, но он был возмущен антидемократическим характером новой конституции. В письме Вашингтону, написанном в конце 1795 г. и опубликованном в США в 1796 г., он писал: «Я заявляю, что я против некоторых вещей в конституции, особенно против способа образования исполнительной власти и большого срока [действия] сената. Если я вернусь в Америку, я использую все свои усилия, чтобы изменить это. Я заявляю также, что я против почти всей вашей администрации, потому что знаю, что она лживая, если не предательская» (17, т. II, стр. 692). Пейн писал, что он всегда был против предоставления исполнительной власти одному лицу, потому что оно обычно оказывается лидером какой-либо партии и, следовательно, будет проводить политику этой партии. «Многочисленность [представителей] исполнительной власти гораздо лучше: это лучше объединяет массы нации воедино» (17, т. II, стр. 692). По мнению Пейна, и конституция 1787 г., и написанные по ее подобию конституции штатов, не решавшие вопроса о всеобщем избирательном праве, создают «искусственные различия среди людей в избирательном праве, которые неизвестны принципу справедливости и не согласуются со здоровой политикой» (17, т. II, стр. 1001). Главным мотивом Пейна были соображения

о естественных правах человека. При всех жизненных обстоятельствах человек остается человеком; в отношении счастья и несчастья все люди равны. «Мы каждодневно видим, как богатый становится бедняком, а бывший до того бедняком становится богатым. Богатство непрочно и поэтому не может служить критерием права» (17, т. II, стр. 1001). В условиях становления буржуазного строя борьба Пейна против имущественного и других ограничений избирательного права носила весьма прогрессивный характер.

Борьбу за всеобщее избирательное право Пейн вел и в связи с созданием конституции буржуазной Франции.

Пейн приветствовал Декларацию прав человека и гражданина, которая, не ограничиваясь одним лишь уничтожением «вопиющего деспотизма», создавала основы нового строя. Пейн рассматривает ее не только как декларацию прав, но одновременно и как декларацию обязанностей. Все должны не только пользоваться ею, но и обеспечивать ее.

В результате контрреволюционного переворота 1794 г. к власти во Франции пришла крупная буржуазия, закрепившая свое господство принятием конституции 1795 г.

Еще в июле 1795 г., при обсуждении в Национальном собрании проекта конституции, Пейн выступил с речью, в которой резко критиковал антинародный характер проекта.

Он говорил, что вопреки принципам равенства и свободы, провозглашенным в 1789 г., конституция 1795 г. выдвигает требования имущественного ценза для избирательного права и, таким образом, не отвечает великим целям революции. Согласно конституции, гражданами Франции признавались лишь лица, достигшие двадцати одного года, проживавшие во Франции не менее года и платившие прямой налог. Поэтому целью конституции оказывается благо немногих, а не благо всех. Пейн же отстаивал права неимущих народных масс. «Я имею в виду ту часть народа, на которую падает главная часть труда и на которую преимущественно давит тяжесть косвенных налогов» (17, т. II, стр. 590). Большинство народа, лишенное права голоса, таким образом лишается равенства и оказывается в полной зависимости от «каприза и тирании остальных». Налогообложение не может быть конституционным принципом. Лишенные на этом основании права голоса становятся рабами обладающих этим правом. Эту же идею Пейн проводил в памфлете «Первоосновы правительства», опубликованном тогда же, в июле 1795 г. Он доказывал, что лишить кого-либо права голоса можно лишь в том случае, если такое лицо стремилось лишить права голоса других.

Последовательная защита Пейном народного суверенитета, всеобщего избирательного права делала его подлинным выразителем интересов демократических слоев.

4. О ВОЙНЕ, КОЛОНИАЛИЗМЕ И МИРЕ

Пейн был ярким противником войны и защитником мира между народами. Его решительные высказывания против войн и колониализма злободневны и в наше время, когда американский империализм держит курс на разжигание новых очагов войны, на поддержание постоянной напряженности в мире и лицемерно прикрывает эту политику разглагольствованиями о своем миролюбии.

Великий демократ изобличает политику удушения национальной независимости и колониального порабощения народов. Именно поэтому буржуазная историография особенно замалчивает антивоенные высказывания Пейна.

Пейн выступал как гуманист, которому дорого человеческое счастье, невозможное без мира. Заслуга его в том, что в своей беспощадной критике войны как средства решения политических и иных вопросов отношений между государствами он прежде всего руководствовался интересами народных масс. Как выходец из народа и защитник его интересов, Пейн не ограничивается критикой войны с позиций пацифизма. Он различает и осуждает войны несправедливые, оправдывает и поддерживает справедливые войны.

Четкое различие между войнами Пейн проводит уже в «Здравом смысле». Война американцев за независимость — это справед-

ливая война. «Их дело правое», писал Пейн, и поэтому они должны «с чистой совестью пустить в ход оружие», чтобы освободиться от насилия английской короны и повиновения ей. В «Американском кризисе, V» Пейн писал: ...если когда-либо с тех пор, как существует мир, велась справедливая война, то это нынешняя война Америки. Она не вторгалась в ваши [английские] земли, она не пользовалась наемниками для сожжения ваших городов, не посылала индейцев для избияния их обитателей. Она ничего не хотела от вас и ничем не обязана вам: при таких обстоятельствах ее оборона почетна и ее процветание надежно» (18, стр. 94). Войну Англии против американцев 1775 г. Пейн считал несправедливой.

А в 1792 г. Пейн приветствовал как справедливую войну революционной Франции, отражавшей натиск внешней контрреволюции. Он заявлял: «Единственная война, которая подобна по обстоятельствам нынешней, — это прошлая революционная война в Америке. С ее стороны, как и теперь со стороны Франции, это была война всей нации» (17, т. II, стр. 539).

Пейн показывает, что Англия, возглавив контрреволюционную коалицию, ведет несправедливую войну против Франции и в конечном счете потерпит поражение.

Обращаясь к истории, Пейн с ненавистью отзывается о правителях и завоевателях прошлых веков, которые подобно Александру

Македонскому и Карлу XII «к несчастьям, неизбежным в жизни», сознательно присоединяли бедствия войны. Он называет таких завоевателей «дьяволами в человеческом образе», пишет, что об их преступных деяниях нельзя думать «без содрогания и об их смерти без радости» (18, стр. 93). Пейну отвратительны захватнические войны: «Если существует грех бóльший, чем все другие, так это преднамеренная захватническая война» (18, стр. 93), потому что зачинщик такой войны несет несчастье целым нациям.

Пейн пишет, что кровопролитные и продолжительные гражданские войны во Франции и в Англии были порождены низменными целями, из-за споров о наследовании престола и из-за династических притязаний. Война за испанское наследство в начале XVIII в. охватила почти половину Европы. Беспорядки в Голландии были следствием конфликтов, возникавших в связи с вопросом о наследовании должности штатгальтера.

Ненавистью к европейским колонизаторам проникнуты выступления Пейна в связи с их разбойничьей политикой в Азии и в Африке. Как обвинительный акт против современных колонизаторов звучит разоблачение Пейном английской колониальной политики в Индии. Он писал: «Недавнее покорение Индии, осуществленное под главенством Клайва и его преемников, было в сущности не столько завоеванием, сколько истреблением людей. [Англия] — это единственная

держава, способная на столь чудовищное варварство, чтобы привязывать людей к дулам заряженных пушек и разрывать их на части... И все-таки Клайв получил одобрение от последнего парламента» (18, стр. 92—93).

Пейн гневно осуждает колониальную политику европейцев в Африке. Работорговцы, вторгаясь в африканские страны, спаивают туземцев, подбивают местных князьков продавать в рабство своих подданных, натравливают одно племя на другое и вызывают войны, а затем скупают пленников в рабство. «Такими низкими и бесчеловечными путями англичане ежегодно порабощают до ста тысяч рабов, из которых тридцать тысяч погибает в первый же год от варварского обращения с ними, не считая тех, которых убивают в чудовищных войнах, спровоцированных для захвата туземцев» (17, т. II, стр. 16).

Такая политика тем более преступна, что, как подчеркивает Пейн, сами же колонизаторы и работорговцы свидетельствуют, что до прихода европейцев африканские народы, населяющие плодородные страны, были усердными крестьянами, наслаждались изобилием и жили спокойно, питая отвращение к войне.

Пейн поддерживал борьбу народов Гаити за независимость. В 1803 г. после многолетней и тяжелой борьбы негры-рабы одержали победу над английскими и французскими колонизаторами-рабовладельцами, отменили

рабство и в 1804 г. провозгласили независимую негритянскую республику.

Французы не оставили надежд вернуть Гаити под свое господство и с этой целью установили блокаду острова. В январе 1805 г. Пейн в письме Джефферсону советовал вмешаться в это дело и предложить посредничество в переговорах между Францией и Гаити (Доминго), с тем чтобы сохранить последнюю как самостоятельную республику, с которой США поддерживали бы нормальные отношения (см. 17, т. II, стр. 1454). Таким образом, Пейн отстаивал суверенитет Гаитянской республики.

Оправдывая справедливую войну против «старых правительств» и за национальную независимость, Пейн исходил из того, что такая война в интересах угнетаемых народных масс может быть только прогрессивной. Народные массы не только несут ненужные жертвы, но страдают от материальных тягот войны. Пейн с полным основанием утверждал, что «бедняки во всех странах естественно... миролюбивы» (17, т. I, стр. 447).

Пейн не раз обращался к народу страны, ведущей агрессивную войну, и показывал, что такая война направлена и против него самого, враждебна его собственным интересам. Если солдаты армии завоевателей богатеют на грабежах и жертвах, то «дело обстоит совсем иначе с трудящимся фермером и ремесленником, с нуждающейся беднотой Англии, которые в поте лица своего изо дня

в день должны содержать в полном достатке и праздности расточительную армию, грабящую и их, и нас» (18, стр. 165).

Пейн показывал, что несправедливые войны зарождаются не в народной среде, что война — источник наживы лишь богатых и правящей верхушки, стоящей у власти, монархических «старых правительств». При этом он ссылается на Англию: «Всегда случается так, что слух о войне популярен среди многих людей в Лондоне. Там есть тысячи, которые живут ею; она — их жатва; шум, который эти люди поддерживают в газетах и разговорах, не вызывает подозрения у народа; и, пока зло не совершится, этот обман не будет раскрыт» (17, т. II, стр. 632).

Пейн, таким образом, догадывался, что война имеет экономические и социальные причины, но развить эти элементы своих представлений о происхождении войн он не сумел. Для Пейна несправедливая война — порождение человеческих пороков и страстей, результат существования порочных монархических порядков, в частности наследственных монархий. Особенно резко он выступал против английской монархии и не раз приводил данные о многочисленных захватнических войнах, которые вела Англия, особенно в XVIII в.

Согласно Пейну, войны можно избежать или они могут «стать редкостью», если повсюду восторжествует разум и основанная на нем законность, когда право объявления вой-

ны и расходы на ее ведение предоставляются нации, как это и предусмотрено французской конституцией. Что же касается способа ведения войны, то он «оставляется на усмотрение исполнительной власти».

Объяснение Пейном такого общественного явления, как война, ее причин и следствия было идеалистическим по существу. Тем не менее изобличение Пейном феодального строя, история которого была наполнена войнами, как источника войн имело положительное значение.

Во всех своих трудах Пейн — искренний сторонник мира. Он призывает к мирному сотрудничеству между государствами и народами в разгар войны Америки с Англией.

В качестве средства, способствующего мирным отношениям между государствами, Пейн предлагал торговлю. «Мир и торговля предпочтительнее войны без торговли», — писал он в «Здравом смысле» (18, стр. 64). Эту идею Пейн проводит через свои работы. Обращаясь к английскому правительству, он заявлял: «Мы очень хотим жить с вами в мире, покупать у вас и продавать вам, впервые выступая на мировой арене, трудиться для своего блага» (18, стр. 68), «пусть Англия заботится о своих делах, а мы будем заботиться о своих» (18, стр. 97).

Защищая дело мира, Пейн еще во время войны Америки против Англии высказал мысль о том, что в мире могут жить и государства с различным общественным строем,

если только они отбросят предрассудки. Пейн не понимал, что дело далеко не только в предрассудках, а в реальном соотношении сил государств, в том, какие идеи отстаивают эти государства и насколько сильны они в массах, как складывается общая международная обстановка и т. п. Возражая аббату Рейналю, Пейн писал, что во взаимоотношениях государства различия между монархией и республикой не имеют существенного значения. Ведь смогли же стать союзниками Америка и Франция во время войны за независимость (см. 17, т. II, стр. 242). Формы правительств не имеют отношения к договорам между ними, так как надо различать внешнюю и внутреннюю политику. Установление формы правительства — это внутреннее дело каждого государства. Только благодаря свободным связям между государствами, независимым от их внутренней политики, во всем мире может быть распространена дружба и уничтожены предрассудки (см. 17, т. II, стр. 244).

Пейн искренне верил, что с уничтожением невежества и суеверий, с торжеством разума и «революций в системе правительства» восторжествуют мир и справедливость. «Представительная система водворит общество и цивилизацию на их основу» (17, т. I, стр. 367).

«Размышлениям о мире и о возможных преимуществах его» Пейн посвятил свой памфлет «Американский кризис, XIII», в котором он выражал надежду, что американская республика, родившаяся из войны за

независимость, «будет в мирное время столь же честна, сколь отважна в годину войны». Надежды Пейна не сбылись. Весь мир не раз был свидетелем бесчестной политики правящих кругов Соединенных Штатов.

Не понимая, да и не имея возможности понять, что новый буржуазный строй, который он отстаивал, порождает войны, как и всякое эксплуататорское общество, Пейн пропагандировал создание в условиях этого общества международной организации, способной сохранить мир. В письме к аббату Рейналю, выдвигая идею интернационализации, Пейн писал, что нация должна подняться над своими частными интересами и рассматривать человечество в целом (см. 17, т. II, стр. 256). В последней известной историкам записке от августа 1808 г. Пейн снова провозглашал свою заповедь: «Жить в мире со всеми нациями». Утопическая мечта Пейна о всеобщем мире в условиях конца XVIII — начала XIX в. разбивалась о жестокую действительность. Капитализм принес человечеству новые войны, опустошения, разорения и страдания. Борьба Пейна против войны и колониализма, за мир между народами созвучна нашему времени.

5. ПРОТИВ РАСИЗМА

Пейн, как защитник естественных прав человека, не мог мириться с человеконенавистнической теорией и практикой расизма. Его

симпатии неизменно на стороне индейцев, негров, всех тех, кто становился жертвой расового угнетения. Особенно много внимания Пейн уделял борьбе против рабства негров. Вместе с великими просветителями Франклином и Джефферсоном он был в первых рядах борцов против преследования и порабощения негров, против работорговли. Прогрессивный американский историк, знаток истории негритянского народа Г Аптекер считает, что из всех деятелей американской революции Томас Пейн был наиболее последовательным в борьбе за освобождение негров-рабов и рассматривал эту борьбу как часть революции (см. 45, стр. 45).

Несколько самых первых статей Пейна, написанных им в первый приезд в Америку, в конце 1774 и в 1775 г. («Африканское рабство в Америке», «Серьезная мысль»), посвящены вопросу о ликвидации позорящего Америку рабства негров и решению проблемы с гуманистических позиций.

Пейн заявлял, что негры «имеют естественное и полное право» на свободу (17, т. II, стр. 18). Правительства должны освободить рабов и наказать тех, кто обратил их в рабство.

Пейн писал, что всякие различия между нациями, привилегии одной нации по отношению к другой должны исчезнуть. Превращение свободных людей в рабов, продажа в рабство мужей, отнимаемых от жен, и детей, отнимаемых от родителей, — все это чудо-

вицно и является нарушением священных и естественных связей между людьми. Особенно Пейна возмущало рабство детей. Пейн требовал издания в Америке закона, запрещающего ввоз негров для продажи, а также облегчения тяжелой участи уже находящихся в Америке рабов и со временем обеспечения их свободы.

Во время войны за независимость Пейн настоятельно требовал немедленной отмены рабовладения. Когда Пейн подготавливал в 1780 г. преамбулу к акту об отмене рабовладения, принятому пенсильванской ассамблей, он, согласно предположению американского историка Фонера, возможно, надеялся, что этим актом будет предусмотрена немедленная отмена рабовладения. Однако из-за оппозиции реакционных элементов было принято компромиссное решение, имевшее в виду постепенное освобождение негров-рабов. В этой преамбуле Пейн писал, что американцы, которые сами добились свободы от Англии, должны предоставить свободу и тем, кто в Америке находится поработленным. Люди не могут знать, почему творец при создании людей наделил жителей разных частей земли различными чертами и сложением. Преамбула гласила: «...мы можем сейчас сделать еще один шаг к всеобщей цивилизации, устранив, насколько возможно, горе тех, кто живет в незаслуженном рабстве» (17, т. II, стр. 22).

После революции Пейн не принимал участия в выработке конституции 1787 г., обошедшей вопрос об отмене рабства. Это очень тревожило Пейна. В 1789 г. он писал из Парижа в Америку неизвестному адресату: «Я без надежды смотрю на то, когда будет уничтожена проклятая торговля рабами. Мы должны продвинуть это дело по ту сторону океана. Я хочу, чтобы несколько хорошо обученных [негров] были посланы к своим собратьям по рабству; потому что, пока они сами не имеют возможности принять участие в этом деле, ничего не будет сделано» (17, т. II, стр. 1286). Таким образом, Пейн понимал, что ликвидация системы рабовладения в Америке зависит от активной борьбы самого негритянского народа.

Пейн сознавал, что для уничтожения рабства негров первостепенное значение имело бы запрещение работорговли. Он возмущался этим постыдным промыслом английских купцов и в 1805 г. писал Джефферсону в связи с приходом в Новый Орлеан из Ливерпуля судов с неграми-рабами: «Если бы у меня была военная команда, я взорвал бы Ливерпуль» (17, т. II, стр. 1462).

Каждое слово Пейна против расизма и порабощения угнетенных народов, против преследования негритянского народа разоблачает антидемократический характер современного капитализма вообще и Соединенных Штатов в частности.

Социально-политические взгляды Пейна, хотя и отмеченные сильным влиянием идеалистических представлений об обществе, играли прогрессивную роль в свое время, а многое в них не утратило своего значения и для современности.

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И КРИТИКА РЕЛИГИИ

1. ДЕИСТ ИЛИ КВАКЕР?

В 1793 г., когда во Франции была установлена якобинская диктатура, Пейн, находившийся в Париже, написал первую часть главного своего труда, посвященного критике различных религиозных систем, — «Век разума». В общественной мысли XVIII в. это была одна из самых злободневных тем, вокруг которой шла острая идейная и политическая борьба. Идеологи добивавшейся власти буржуазии сознавали, что господствовавшие в то время формы религии, ее догмы, культ и социальные установления устарели и тормозили общественный прогресс. Что касается Пейна, то сомнение в истинности насаждаемых религиозных догм зародилось у него еще в детстве. Таково было неизбежное следствие присущей ему жажды познания реального мира. Пятидесятилетний Пейн вспоминал: «С того самого времени, как я стал способен постичь идею и размышлять над ней, я или сомневался в истинности хри-

стианской системы, или считал ее чем-то странным. Помню, как в возрасте семи или восьми лет, почти не зная, что такое религия, я слушал проповедь о так называемом *искуплении посредством смерти сына божия*, читавшуюся моим родственником, очень набожным человеком.

По окончании проповеди я ушел в сад и, спускаясь по ступеням лестницы (я прекрасно помню это место), возмутился при воспоминании о том, что услышал. Я подумал, что в этой истории всемогущего бога заставили действовать наподобие рассерженного человека, который убил своего сына, не будучи в состоянии отомстить за себя иначе. И поскольку я был уверен, что человека... совершившего такой поступок, повесили бы, я не понимал, для чего читают такие проповеди.

Эта мысль была не из тех, что отдают детской наивностью; для меня она была серьезным рассуждением, вытекающим из моего представления о том, что бог слишком добр для подобных поступков и слишком всемогущ, чтобы быть вынужденным на них» (18, стр. 278).

С тех пор прошло, однако, пять долгих десятилетий, прежде чем Пейн сумел подвергнуть серьезной и обстоятельной критике традиционные религии, обосновать свои представления о так называемой истинной религии, т. е. деизме, сформировать свою философскую позицию.

В бурном водовороте событий американской и французской революций, захлестнувшим Пейна, оттачивались взгляды мыслителя на общество и место в нем человека, на будущее человечества. Социальные бури не то чтобы ослабили его интересы к общим вопросам философии и критики религии, но во всяком случае на длительное время оттеснили их на второй план. Чуть ли не всей своей жизнью Пейн оказался связанным с активным участием в решении острейших социально-политических проблем, и ему, по природе своей ученому и философу, никогда не хватало времени заниматься наукой и философией.

В 1776 г. в письме к Джону Адамсу Пейн поделился своими планами написать книгу с критикой Ветхого завета. Начавшаяся тогда американская война за независимость отвлекла внимание и силы Пейна.

В американских колониях Англии были распространены различные протестантские секты, враждовавшие между собой, поскольку каждая из них объявляла свое вероисповедание единственно истинным. В Вирджинии, Мериленде и Южной Каролине существовала государственная англиканская церковь, духовенство которой подчинялось своим церковным властям, находившимся в Англии. В целом религиозные организации не представляли собой единой монолитной опоры метрополии и насаждавшихся ею полуфеодалных порядков. В ходе революционной

войны американцев против англичан в рядах церковников произошло размежевание сил. Если духовенство англиканской церкви почти целиком оказалось на стороне Англии, то внутри сект произошел раскол, в котором решающую роль сыграли экономические и политические симпатии по отношению к Англии и связи с ней отдельных групп сектантов. В результате американская революция не сопровождалась такой острой борьбой с духовенством, как это произошло впоследствии во время французской революции. Деятели американской революции не могли этого не видеть. Напротив, они сознавали, что именно такая борьба лишь отвлекла бы народ от основной цели борьбы — создания независимой республики. Во время войны в демократических слоях американцев (особенно в Вирджинии) возникло сильное движение за провозглашение свободы совести. Важнейшим завоеванием революции в области гражданских прав явилось принятие джефферсоновского законопроекта о религиозной свободе и об отмене государственной церкви. Это была вершина, которой достигла в своей борьбе против господства церкви американская буржуазная демократия. Об отделении школы от церкви, о свободе не только вероисповеданий, но и атеистической деятельности в этом законодательстве не было и не могло быть и речи. Буржуазная мысль на практике не вышла за пределы антиклерикализма и провозглашения веротерпимости.

В творчестве Пейна периода американской революции и начала французской революции упоминание о религии встречается не часто. Для него в то время не эта тема была главной. И все же в своих социально-политических сочинениях Пейн выступил против господствующих религиозных взглядов и против церкви. Он отвергал как ложное утверждение сторонников монархии, будто разделение людей на монархов и подданных предопределено богом (18, стр. 26). По его убеждению, престолонаследие, как и первородный грех, есть не что иное, как нарушение воли всевышнего и естественных прав человека. Пейн разоблачал выдумку о божественном характере светской власти и критиковал самое существование государственной церкви: «К ключам святого Петра присоединились ключи казначейства, а изумленная и обманутая толпа обоготворила эту выдумку» (18, стр. 206).

На первых порах создается впечатление, что в этот период и в «Здравом смысле», и в «Американских кризисах», и в «Правах человека», и в других работах Пейн выступает как христианин. Именно эту мысль подчеркивает в наше время (в 1959 г.) американский историк А. Олдридж: «До «Века разума» Пейн защищал религию в целом, включая и христианство; после «Века разума» он отвергает христианство в пользу деизма, или религии природы» (43, стр. 229). Но это не так. Пейн уже в «Американском кризисе, VII» пишет о бессмысленности лозунга «за-

щитника веры» и не о христианстве, а о «религии человечества», т. е. религии, свойственной всем людям. Такая религия, согласно Пейну, как и все другие интеллектуальные права людей, принадлежит к их естественным правам. Это мыслитель утверждал в «Правах человека», т. е. в 1792 г. Здесь, очевидно, выступала идея бога деистов, а не бога христиан. В «Веке разума» Пейн вспоминает, что в течение нескольких лет собирался опубликовать свои мысли о религии, но, хорошо сознавая трудности, связанные с этим предметом, отложил осуществление замысла до более позднего периода своей жизни (см. 18, стр. 246). Такой период и наступил в разгар революции во Франции.

Именно во время революции реакционная роль французского духовенства обнаружилась во всей своей неприглядности. Сокрушение феодального строя оказалось здесь невозможным без разгрома такого его идеологического и экономического бастиона, как католическая церковь. Многие идеологи французской буржуазии, еще накануне революции критиковавшие церковь, не собирались совершенно уничтожить ее. Они стремились лишь подчинить церковь своим целям, заручиться поддержкой своей политики со стороны духовенства. Однако с самого начала революции, особенно же в 1791—1792 гг., духовенство выступило как орудие контрреволюции. Поэтому на него и обрушились удары революции. Антицерковное движение стало быстро

перерастать в «дехристианизацию» и в антирелигиозное движение, был провозглашен культ разума и т. п. Вот в этот момент Пейн и опубликовал свою знаменитую книгу. Пришла пора принять активное участие в борьбе против традиционной религии, высказать свои взгляды, философские идеи. Вместе с тем Пейн, как и часть якобинцев во главе с Робеспьером, опасался и того, чтобы «при общем крушении предрассудков, ложных систем правительства и ложной теологии мы не потеряли из виду нравственности, человечности и той теологии, которая истинна» (18, стр. 247). В январе 1803 г. он писал Сэмюэлю Адамсу: «...французы безудержно мчались к атеизму, и я перевел и опубликовал на их языке свой труд, чтобы остановить этот их бег и привлечь их внимание к первому догмату... веры всякого человека, который вообще имеет какую-либо веру: *я верю в бога*» (17, т. II, стр. 1436). Пейн надеялся ослабить «атеистическую» деятельность, энергично проводившуюся теми же якобинцами, главным образом сторонниками Эбера.

Наконец, напомним, что отрицательное отношение Пейна к якобинскому террору делало его положение весьма непрочным. Откладывать реализацию своего плана — написание книги с критикой распространенных религиозных взглядов — больше было нельзя. Надо было спешить.

Таковы были обстоятельства появления на свет «Века разума».

На первых же страницах этой книги Пейн характеризует свое мировоззрение как деистическое: «Единственная идея, которую человек может связать с именем бога, есть идея первопричины, причины всех вещей» (18, стр. 265). Оговорки Пейна о причинах, побудивших его принять концепцию деизма, а также многочисленные уверения автора, что он является верующим человеком, породили различные воззрения на его философию.

Пейн воспитывался в семье квакера, и это, конечно, оставило след в его мировоззрении. К тому же в «Веке разума» Пейн ошибочно заключал, что квакеры скорее деисты, чем христиане. Столь же ошибочно Пейн утверждал, что «квакеры не особенно верят в Иисуса Христа и называют Священное писание мертвой буквой» (18, стр. 373). В результате некоторые авторы, писавшие о Пейне, хотя и не могли отрицать его деизма, все же выводили его мировоззрение в основном из учения квакеров. Монкюр Д. Конвей (1832—1907) в своей обстоятельной двухтомной биографии Пейна сравнивал его с идеологом и вождем квакеров XVII в. Джорджем Фоксом (1624—1691) и заключал, что мировоззрение Пейна объяснимо его приверженностью к учению квакеров. Вслед за Конвеем Дж. Коннел, М. Бест и другие историки начали писать о сходстве пейновского «здравого смысла» и фоксовского «внутреннего света», о том, что «для них обоих это был

сам голос бога и присутствие его в душе» и т. п. (51, стр. 26, 34).

Сравнение религиозного учения квакеров и философско-религиозного учения деизма показывает, что концепция Конвея и его последователей не выдерживает критики. Это убедительно доказали историки философии Г. Г. Кларк в 1933 г. в статье «К переосмыслению Томаса Пейна» (хотя сам он не избежал преувеличения влияния деизма на формирование политических идей Пейна), Р. П. Фолк в 1938 г. в статье «Томас Пейн: деист или квакер» и др.

Расхождение между взглядами деистов и квакеров весьма существенно, и на деле они противоположны друг другу. Оба учения исходят из веры в бога, однако если квакеры «постигают» бога сердцем, то у деистов это происходит с помощью разума. Квакеры, следуя учению Фокса, считают, что вера в некое мистическое «озарение», «внутренний свет» говорит о присутствии в человеке Христа, что «истина находится в сердцах людей». «Внутренний свет», отождествляемый ими с Христом, а также и совестью, не открывает новую истину, так как вся истина высказана в Священном писании. Хотя Фокс и ставил это последнее ниже, чем «внутренний свет», он учил квакеров, что «писания открыты для них». Согласно утверждению известного американского квакера XVIII в. Вулмэна, «откровение духа божьего святым породило Писание». Деисты же учили, что бог открывает-

ся человеку в природе, познаваемой ими разумом, который деисты отождествляли с «естественными способностями». Роль бога сводилась к первотолчку. В деистических построениях Пейна важнейшее место принадлежит человеку в его «естественном состоянии», но именно это «естественное состояние» было неприемлемо для мистицизма квакеров. На таких противоположных позициях стояли, с одной стороны, деист Пейн, с другой — апостолы учения квакеров Фокс, Вулмэн и Хикс.

Как мыслитель Пейн, конечно, пошел дальше квакерской догматики и стал одним из виднейших представителей прогрессивного течения в англо-американском деизме конца XVIII в. С квакерами, еще представляющими в XVIII в. в немалой степени бедноту, Пейна сближало не только происхождение и воспитание в детстве, проходившее под влиянием отца, но совпадение социальных интересов, например участие в борьбе против рабства негров, отрицательное отношение к войне и др. Когда же стойкая приверженность квакеров к догмам оказалась использованной в политических целях их противниками против них же самих, против самого простого люда, как это, например, случилось в американской войне за независимость, Пейн, не колеблясь, осудил непротивленчество квакеров, показав, что оно лишь на руку врагам, пытавшимся сохранить колониальную зависимость Америки.

Таким образом, в затянувшейся дискуссии о мировоззрении Пейна и его истоках точка зрения Конвея не встретила достаточной поддержки. Пейн, как он и сам об этом заявлял, был сторонником и пропагандистом деизма. С этим согласно большинство современных исследователей его творчества.

Одной из форм идеологии молодой буржуазии, шедшей к власти в XVIII в., был деизм. Идеал буржуазии кануна и периода революции — деистический бог, не вмешивающийся в земные дела. Безличное божество деистов, ограниченное, по выражению Плеханова, законами природы, давало людям возможность достичь своей цели. Для буржуазии важна была свобода в религии, а не слепая приверженность к вероисповеданию. Вера в «чистую и простую религию природы» призвана была сохранить религию и примирить ее с духом рационализма XVIII в. Буржуазия стремилась подчинить церковь себе, лишить ее претензий на власть. Движение деистов не было однородным, в нем были различные течения — более умеренное и более радикальное, в сущности смыкавшееся с материализмом.

2. У ИСТОКОВ АМЕРИКАНСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

В первой части «Века разума» Пейн, как мы видели, характеризует свое мировоззрение как деистическое. Но содержащиеся там

же его представления о природе и законах ее развития требуют внести в приведенную выше характеристику поправку: деизму Пейна были свойственны сильные материалистические тенденции.

Пейн представляет мироздание как реальное материальное существование и верит в его вечность и бесконечность. Та часть Вселенной, которая называется солнечной системой, как она ни огромна, всего лишь одна из бесконечных систем миров. «Пространство необъятно», и «конца нет»; мироздание — «вечно существующий оригинал, прочесть который может каждый. Его нельзя подделывать, подменить, утратить, изменить или уничтожить» (18, стр. 265). Эти утверждения Пейна о природе, очевидно, в корне расходились с распространенными религиозными догматами.

Миру, как в этом был убежден Пейн, свойственны свои строгие закономерности, и он не зависит от человека и его сознания: «Спим мы или бодрствуем, великий механизм Вселенной движется» (18, стр. 254). Эта мысль о закономерности в природе — характерная черта мировоззрения Пейна. Еще в «Правах человека» он писал: «Во всех своих деяниях природа закономерна» (17, т. I, стр. 373). В 1797 г. в речи «О существовании бога» Пейн отождествлял природу с законом: «Бог — это сила, являющаяся первопричиной, природа — закон, а материя — объект, на

который [они] воздействуют» (17, т. II, стр. 752).

В 1807 г. в «Проверке пророчеств» Пейн снова писал: «Неизменные принципы и неизменный порядок, которые регулируют движения всех частей, составляющих Вселенную, демонстрируют как нашим чувствам, так и нашему разуму, что их создатель есть бог безошибочной истины» (17, т. II, стр. 886).

Как ни кратки были философские рассуждения Пейна, он не мог обойти существеннейшей и сложнейшей проблемы, различное решение которой в конечном счете характеризует диаметрально противоположные мировоззрения—материалистическое и идеалистическое. Это проблема отношения материального и психического, тела и души. На этот счет мнение Пейна вполне определено. Он исходит из примата материального. Пейн отстаивает свое убеждение, что мысль порождается материальным началом: «Кто может сказать, — спрашивает он, — каким тончайшим действием тончайшей материи производится мысль в том, что мы называем разумом?» (18, стр. 367).

Развитие этих представлений Пейна о материальной основе психических явлений мы находим в его «Опыте о сне», впервые опубликованном в Париже в 1803 г., а в 1807 г. с некоторым сокращением и в США.

Материальной основой разума, согласно Пейну, служит мозг: «Место сосредоточения сил или способностей, которые образуют то,

что называется духом, находится в мозгу. Нет и не может быть какой-либо наглядной анатомической демонстрации этого, но... это именно так» (17, т. II, стр. 842). Физическое повреждение мозга (при проломе черепа) лишает человека разума. Однако гораздо чаще это происходит вследствие длительного злоупотребления спиртным. Сумасшествие имеет лишь естественные причины.

Столь же естественные причины имеет и сон. По мнению Пейна, человеческая мысль обладает способностями воображения, суждения и запоминания. В состоянии бодрствования человека все эти три способности активны, они действуют согласованно и создают разумного человека. Во сне, напротив, эти три способности действуют не полностью, какие-то из них выключаются. В результате разрозненного действия одной или двух из этих способностей и возникает сновидение. Таков же источник различного рода видений и, стало быть, вообще всякого болезненного психического состояния.

Человек может наблюдать лишь видимые явления, например вольные или невольные мышечные движения своих телесных органов. Однако ему неизвестны первые движущие причины. То, что происходит в человеческом мозгу, в этом «святая святых» человека, в этом «чреве мысли», скрыто от нас тайной, никакого зрительного наблюдения здесь быть не может. Находится ли мозг — материальная масса — в покое, или в нем

происходит вибрация или пульсирующее движение и т. п., этого человек не знает.

В духе механистического французского материализма Пейн уподобляет мышление человека часовому механизму: воображение соответствует главной пружине, приводящей весь механизм в движение, суждение соответствует маятнику, регулирующему это движение, а память соответствует стрелкам и циферблату.

Объяснение Пейном природы идет в русле английского и французского материализма. Главной же целью его объяснения является критика распространенных религиозных представлений по этому вопросу: если сон имеет естественные основания, то «сколь абсурдно полагаться на сны и еще более абсурдно делать из них основания для религии!» (17, т. II, стр. 845).

Материалистический элемент в мировоззрении Пейна проявляется и в защите им объективного научного знания, доступного человеческому разуму. Мир, вечные и неизменные принципы, которыми он управляется, могут быть познаны человеком, хотя и не создаются им. Пейн иллюстрирует это на примере с треугольником. «Можно сказать, — пишет он, — что человек способен сделать или начертить треугольник, и потому треугольник — человеческое изобретение.

Но треугольник, будучи нарисован, есть не что иное, как изображение принципа, очертание, которое делает этот принцип доступ-

ным глазу, а через него и уму. Иначе он непостижим. Треугольник создает принцип не более, чем свечка, внесенная в темную комнату, создает стулья и столы, которые до того были невидимы» (18, стр. 270).

С каждой страницы «теологического» сочинения Пейна слышится гимн человеческому разуму. Недаром он назвал свой труд «Век разума». Пейн глубоко убежден, что человек способен познать мир, и, таким образом, выступает против агностицизма. «Человечество, — пишет Пейн, — усвоило определенные законы деятельности природы», хотя оно пока и не знает всего объема этих законов, и, следовательно, перед человеческим разумом открыто необозримое поле познавательной деятельности. Эти мысли ведут к признанию Пейном ценности подлинно научного знания, которое он энергично отстаивает.

Страстной пропагандой науки отмечен весь творческий путь Пейна. В начале этого пути, в 1782 г., он писал аббату Рейналю: «Наука — благотворная покровительница всех стран, не приверженная к какой-либо отдельной стране, свободно открыла храм, где все могут встречаться. Ее влияние на дух подобно влиянию солнца на холодную землю, которая долго подготавливается для более высокой культивации и дальнейшего улучшения» (17, т. II, стр. 241). В «Веке разума» научное знание противопоставляется невежеству и лживым проповедям религиозных ретроградов: действительное «образование

состоит... в знании вещей» (18, стр. 272); Эвклидовы «Начала геометрии», книгу, содержащую «самоочевидные доказательства, совершенно независимые от ее авторства и всего, что связано со временем, местом и обстоятельствами ее написания» (18, стр. 299—300), Пейн предпочитает так называемым священным книгам. Отстаивая науку, Пейн придает в ней первостепенное значение фактам, которые «могущественнее аргументов».

Как борец за науку Пейн не приемлет рассказы о чудесах, о чем-то противоестественном. Он решительно выступает против тайны и чуда — этих специфических атрибутов всякой религии. «Тайна — противник истины. Туман человеческих выдумок — вот что затемняет истину, представляет ее в искаженном виде. Истина никогда не покрывает себя тайной, и тайна, в которую она иногда бывает закутана, — дело ее противника, но не ее самой». Тайна «служит тому, чтобы смутить разум», а чудо — чтобы «сбить с толку чувства. Первое — тарабарщина, второе — ловкость рук» (18, стр. 287—288).

Стихийноматериалистические взгляды Пейна не получили у него глубокой разработки. Философские проблемы, как таковые, не явились объектом специального изучения Пейна, и ими он занимался лишь в связи с критикой распространенных религиозных взглядов. Отсутствие необходимой философской подготовки не могло не сказаться на его позиции, ослабляя ее. Философии Пейна

свойственны непоследовательность, отступление от материализма. Механический, метафизический подход объясняет, почему Пейну не удалось вырваться из плена деизма. Отстаивая в конце XVIII в. уже устаревшую ньютоновскую идею о первотолчке, он в этом отношении уступал Толанду, Гольбаху и другим материалистам XVIII в., которые задолго до «Века разума» преодолели деистические представления о боге как первопричине.

В январе 1797 г. на собрании, посвященном открытию «Общества теофилантропистов» в Париже, Пейн в своей речи «О существовании бога» подробно излагает свои представления о первотолчке. Приведя известные по «Веку разума» утверждения о природе как творении бога, о том, что бог познаваем только через это творение, через природу, Пейн переходит к вопросу о роли божества в мироздании. Ход рассуждений его таков. Вселенная материальна. Как система, она поддерживается движением. Это движение, без которого Вселенная, и в частности солнечная система, не могла бы существовать, «не есть свойство материи». Потому что в противном случае это движение, как вечное, должно было бы создать самое себя. Однако последнее невозможно. Естественное состояние материи — состояние покоя. Таким образом, движение, понимаемое Пейном только как перемещение, а не как развитие, — результат действия на материю внешней силы. Такое движение следует отличать от того, о

котором атеисты говорят, что материя находится в вечном движении. Последнее касается состояния материи и влечет за собой постоянное превращение одних форм материи в другие, и то лишь на поверхности земли. Это движение не похоже на то, которое сохраняет систему (например, солнечную) и предотвращает ее изменения. Таким образом, движение, поддерживающее Вселенную как систему, порождено тем, что называют первопричиной. «Итак, когда мы открываем такое важное обстоятельство, без которого Вселенная не может существовать и вследствие чего ни материя, ни какие бы то ни было ее свойства не могут быть объяснены, мы с необходимостью приходим к разумной вере в существование высшей причины материи, и эту причину человек называет богом... Бог — это сила, являющаяся первопричиной» (17, т. II, стр. 752). Согласно высказываниям Пейна в «Веке разума», убеждение в том, что природа не создает самое себя, приводит людей к вере «в вечно существующую первопричину, по природе своей совершенно отличную от всего известного нам материального существования, в силу которой существуют все вещи. И эту первопричину человек называет богом» (18, стр. 266).

Выделив два типа движения, Пейн дошел до логического конца своих противоречивых рассуждений. Если одни формы материи способны превращаться в другие, то речь идет, следовательно, о самодвижении материи, т. е.

о том, что «активность есть существенное свойство материи», как писал последовательный в этом вопросе материалист Толанд. Но для Пейна в его метафизических построениях существеннее то, что естественным состоянием материи является покой. Поэтому движение в конце концов понимается упрощенно, всего лишь как перемещение, и тогда источником его остается признать лишь активность внешней силы. Но это уже уступка религии, и в этом сущность деизма. Впрочем, в системе, построенной Пейном, роль бога крайне ограничена, она сводится к первотолчку. Мысли Пейна о деизме, как верно заметил прогрессивный американский историк Дж. Аллен, близки к высказыванию Дидро, согласно которому деизм выдал богу паспорт и проводил его до границы (см. 44, стр. 20).

Но рассуждения Пейна весьма уязвимы. Иногда у него проскальзывают сомнения, которые делают его утверждения малоубедительными. «Недостижимо и трудно для человека понять, что такое первопричина, — писал Пейн, — он верит в нее, ибо не верить в нее вдесятеро труднее. Неописуемо трудно понять, что пространство не имеет конца, но еще труднее понять его конечность. Выше сил человека постичь вечную протяженность времени, но еще невозможнее представить время, когда не будет времени» (18, стр. 265). И снова явное противоречие. Не верить в первопричину, т. е. в бога, вдесятеро труднее, чем верить в нее. Но все же, как видно, можно и

не верить в нее?! И что же такое эта вера в отсутствие первопричины, как не атеизм! Значит, не только деизм, но и атеизм имеет право на существование и может быть обоснован!

В заключение разбора деистических представлений Пейна приведем слова Б. Э. Быховского, с которыми нельзя не согласиться: «... деистическая пленка, обволакивающая его [Пейна] материализм, очень тонка и непрочна... Проблема конечного и бесконечного и понятие самопричины служат камнями преткновения для его метафизического материализма» (24, стр. 460).

Для характеристики мировоззрения Пейна необходимо выяснить его действительное отношение к одному из самых основных догматов большинства религий — о бессмертии души и загробном мире. Это важно потому, что обычно буржуазные историки философии, изображая Пейна верующим в бессмертие, ссылаются на его слова из «Века разума»: «Я... надеюсь на счастье за пределами земной жизни» (18, стр. 247). Преклонение Пейна перед фактами как основой подлинных знаний, науки, все его учение, отрицающее религиозные верования, говорят о том, что слово «надеюсь» в приведенной выше цитате не случайно. Он «надеется», но не «знает»! Между тем сам он всегда призывает «знать», а не «верить» и «надеяться». Между пониманием бессмертия Пейном и церковниками — глубочайшее различие. Пейн писал: «Чтобы поверить в бессмертие, я должен иметь более

возвышенную идею, чем та, что содержится в этой мрачной доктрине воскресения» (18, стр. 366—367). Но именно эта доктрина является краеугольным камнем всего христианства. Отрицание чудесного воскресения Иисуса Христа лишает всю эту религиозную систему ее основы.

К изложению своих представлений о бессмертии Пейн еще раз обратился почти через полтора десятилетия после выхода «Века разума». Незадолго до смерти, в 1807 г., он опубликовал «Проверку пророчеств» и в приложении к ней — «Мои частные мысли о будущем существовании». Эта работа была написана, по-видимому, задолго до того и предназначалась как материал для третьей части «Века разума», от публикации которой Джефферсон предлагал Пейну отказаться, чтобы уберечь его от еще больших нападков со стороны реакционных элементов, вызванных изданием первой и второй частей «Века разума».

Пейн снова повторял, что надежда на счастье в будущем существовании удобна ему и он не собирается отказываться от нее. Она вполне соответствует его представлению о справедливости деистического бога и разума, которым этот бог наделил людей. Здесь выступают такие атрибуты бога деистов, как справедливость и благость, и поэтому Пейн полагается на бога. Это необходимо ему, чтобы выступить против той религиозной морали, которая изложена, в частности, в

христианском поучении о судном дне, когда человечество, согласно божественному предопределению, поделенное на праведных и неправедных, услышит свой приговор. Пейн выдвигает свою «естественную мораль». Тот, кто всю жизнь посвятил «деланию добра», кто старался сделать своих ближних смертных счастливыми, тот будет счастлив и после смерти.

Критика Пейном религиозного догмата о бессмертии содержится в следующих строках его «Века разума»: «...сознание существования — единственная вразумительная идея, какую мы имеем о будущей жизни, и непрерывность этого сознания есть бессмертие. Сознание существования, или знание, что мы существуем, не необходимо приурочено к одной и той же форме или к одной и той же материи даже в этой жизни» (18, стр. 367). Далее Пейн уточняет: «... мысль, когда она произведена, как я сейчас произвожу мысль, которую излагаю пером, способна стать бессмертной и является единственным произведением человека, которое имеет эту способность» (18, стр. 367). И наконец, Пейн раскрывает природу мысли так: «... напечатай и перепечатай ее тысячу раз и на каком угодно материале, — вырежь ее на дереве или высеки на камне, — мысль в любом случае останется всегда одной и той же. Мысль способна существовать, не повреждаясь, на нее не действует перемена вещества. Она существенно отлична по природе от

всего того, что мы знаем и можем воспринять» (18, стр. 368). Таким образом, представление Пейна о бессмертии противопоставляется религиозному представлению о некоем фантастическом потустороннем мире и сверхъестественном бессмертии.

Вера Пейна в бессмертие человеческой мысли связана у него с верой в «добрые дела», в гуманизм, который по существу обеспечивает социальное бессмертие человеческой личности. Эти убеждения мыслителя связаны с материалистической тенденцией его деизма. Из них никак не следует вывод некоторых буржуазных авторов, пытающихся изобразить Пейна мистиком. Именно так поступил Ропер — американский философ, идеалист, член одного из многочисленных в США комитетов содействия церкви. В статье «Пейн — ученый и верующий» Ропер старается доказать, будто Пейн, как и Эмерсон, был мистиком, что он видел в боге не только первопричину, но и «всеобщую мысль», которая «сказала слово» и тем самым вызвала к существованию Вселенную. По Роперу, выходит, что пейновское учение совпадает с библейским учением о сотворении мира. Явно искажая учение Пейна, Ропер пишет: «Развив теорию первичности мысли и вторичности материи, теорию о том, что мысль предшествует материи, он предвосхитил современных ученых Джемса Джинса, Артура Стэнли Эддингтона, Милликена и других в том, что Вселенная выглядит скорее как великая

мысль, а не как механизм, что мысль должна считаться создателем и управителем материи» (70, стр. 108).

В действительности, как мы видели, Пейн, при всей своей непоследовательности, был материалистом в объяснении природы.

3. «РЕВОЛЮЦИЯ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИЙ»

«Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину» (14, стр. 26) — такой была французская атеистическая публицистика XVIII в. Каждое слово этой высокой ленинской характеристики в полной мере может быть отнесено к творчеству Пейна. Его критика традиционных религий, особенно критика Библии, христианских догм и установлений, не уступает подобным выступлениям французских материалистов, хотя в вопросах философии Пейн, придерживавшийся деизма, и не сумел подняться до уровня материализма Гольбаха и Гельвеция.

На первых же страницах «Века разума» Пейн с присущей ему прямоотой заявляет, дабы не оставалось никаких сомнений насчет его отрицательного отношения к церкви: «Я не верю в религии, исповедуемые церковью еврейской, римской, греческой, турецкой, протестантской или какой-либо другой известной мне церковью. Мой собственный ум—

моя церковь» (18, стр. 247). Пейн противопоставляет «истинную религию» (деизм) религиям «откровения». Религия бывает либо «естественной», либо «противоестественной».

«Простая религия природы», «естественная религия» не знает ни тайн, ни чудес, ни пророчеств. Но именно без этих атрибутов не могут существовать так называемые религии откровения. Эти последние использовали вымыслы о тайнах, чудесах и пророчествах для обмана человечества и преграждения ему пути к познанию мира. Тайны и чудеса нужны церкви, для того чтобы лживо объяснять настоящее и прошлое, пророчество — для введения в заблуждение о будущем. Таким образом, все религии (кроме деизма) независимо от их нравственного учения отражают мир неправильно и являются системами лживыми, «дикими и причудливыми». Следовательно, считает Пейн, религия «должна быть свободна от всякой таинственности» (18, стр. 287), «ибо природа идет своим путем, а религия, искажающая установленные ею общественные связи, есть ложная религия» (18, стр. 309). Казалось бы, если религия сообщает ложные сведения и вредна, то необходимости в ней нет. Рассуждения Пейна ведут к этому выводу, но сам Пейн не делает его и, напротив, предупреждает об опасности атеизма, который ведет, по его мнению, к утрате нравственности.

Современники Пейна, в том числе и из лагеря духовенства, восприняли книгу Пейна

как антирелигиозную. Не случайно американский священник епископальной церкви в Нью-Джерси Юзел Огден, ярый противник деизма, назвавший свою книгу, направленную против пейновского «Века разума», — «Противоядие деизму», приравнивал деизм Пейна к атеизму, средство борьбы с которым видел в «единственно истинной» христианской религии. Пейн же в связи с этим утверждал, что противоядием деизму как вере в бога может быть лишь атеизм (см. 17, т. II, стр. 793). Пейн отстаивает деизм и приводит в доказательство его метафизические аргументы.

При объяснении происхождения религии Пейн не выходит за пределы установившихся представлений своего времени, когда даже философы-материалисты не знали и не могли еще знать истинных корней религиозных верований. Пейн говорит, что деизм возникает рациональным путем: познание человеком мира ведет к познанию бога. Остальные, «неистинные» религии, по мнению Пейна, возникли в результате обмана и хитрости одних, доверчивости и непросвещенности других.

Пейн не признавал учения о врожденности религиозных идей и разоблачал господствующие религии как лживые, которые используются не только для обмана, но и для порабощения масс. О христианстве он писал: «Как машина власти, оно служит интересам деспотизма, а как средство обогащения — алчности попов» (18, стр. 376). Конечно, это

еще смутные представления о социальной роли религии. Но в том, что Пейн пытается сформулировать эти представления, большая его заслуга.

Свои основные усилия Пейн сосредоточивает на критике Библии. Среди множества сочинений, авторы которых критиковали Библию скрыто и косвенно или прямо и откровенно, вооруженные аргументами логическими или взятыми из реальной жизни, или из истории человечества, или из естественной истории, или из самой Библии, что свидетельствует о ее противоречивости, труду Пейна принадлежит особое место. Мыслители прошлых веков, начиная от Цельса (II в. н. э.) и вольнодумцев средних веков вплоть до философов нового времени — Гоббса, Спинозы и французских материалистов, нанесли сильные удары по авторитету Священного писания и подорвали его влияние среди верующих. И все же огромные массы людей продолжали верить в библейские сказания, Ветхий и Новый завет, представлявшие собой важнейшую опору христианского, а Ветхий завет — иудейского вероучения. Книга Пейна нанесла по ним новый удар. Он оказался особенно чувствительным в Соединенных Штатах, где процветали протестантские секты, а их вероучения покоились на Библии. В годы, предшествовавшие революции, малейшие сомнения в истинности Библии рассматривались как тяжелое преступление, а сомневавшихся жестоко преследовали и

наказывали. В насаждении культа Библии усердствовали не только сектанты, но и власти. В ходе войны за независимость конгресс заокеанской республики принял специальные решения об издании Библии и ввозе ее из Европы.

«Век разума» был написан ярким и образным, доступным простому читателю языком. В США эта книга Пейна и другие его антирелигиозные работы по существу явились первыми такого рода сочинениями, нашедшими широкий круг читателей. Книга была написана на их родном английском языке, и притом человеком, имя которого было неразрывно связано с созданием независимости американской республики. Пейн, герой американской революции, теперь выступил против Священного писания. Он писал так смело, убежденно, остроумно и язвительно, как до него не писал никто из американских вольнодумцев — ни Франклин, ни Джефферсон, ни многие другие. Единственным исключением была вышедшая в США за десять лет до книги Пейна книга Итэна Аллена, тоже героя войны за независимость, «Разум — единственный оракул человека».

Испытав влияние английского деиста Блунта, Аллен решительно отвергал как неразумные библейские поучения об «откровении», о мироздании, о троице и т. п. Судьба книги Аллена оказалась трагической. В типографии, где она печаталась, от удара молнии вспыхнул пожар, и почти весь готовый

тираж сгорел. Уцелело лишь около двух десятков экземпляров, о которых узнали немногие в Вермонте, родном штате Аллена, и в соседних штатах. Пейн скорее всего не знал о книге, но он, возможно, знал о ее идеях и основном содержании, так как в 1776 г. встречался с революционером Томасом Янгом, который до революции совместно с Итэном Алленом писал антибиблейский трактат. Этот последний и лег в основу книги «Разум—единственный оракул человека», которая по существу осталась неизвестной американским читателям. Деизм стал достоянием народных масс, а не только лишь «респектабельных кругов» именно благодаря «Веку разума» Пейна.

В критике Библии Пейн выступает во всеоружии различного рода доводов, взятых из арсенала научной критики Библии, имевшей ко времени Пейна многовековую историю. Основной же метод его — это использование Библии в качестве доказательства противоречий, содержащихся в ней: «...я не выйду за пределы Библии в поисках свидетельств против мнимой подлинности Библии. Ложное свидетельство всегда хорошо говорит против себя самого» (18, стр. 311). Среди авторитетов, на которые опирается Пейн, — средневековые философы-богословы Ибн Эзра и Маймонид, мыслители нового времени Спиноза и Гроций, английские деисты и французские атеисты, например Н. Буланже. Пейн популяризирует достижения своих предшественников

на опасном поприще критики Библии, продолжает ее критику и высказывает самостоятельные предположения.

Согласно своим деистическим взглядам, Пейн начинает критику с доказательства того, что Библия не является «словом божьим». Рационалист Пейн отвергает божественное откровение, якобы проявившееся в Библии, на следующих основаниях: «Откровение — сообщение о чем-то, чего лицо, которому сделано откровение, прежде не знало. Ибо, если я сделал какую-либо вещь или видел, как она была сделана, мне не нужно откровения, говорящего мне о том, что я ее сделал или видел, как не нужно его и для того, чтобы я мог о ней рассказать или написать.

Откровение поэтому не может быть приложено к чему-либо, происшедшему на земле, участником или очевидцем чего был сам человек. Значит, все исторические и повествовательные части Библии, которые занимают почти всю ее, не подходят под значение слова «откровение», почему и не являются словом божьим» (18, стр. 255).

Но это касается не только христианства. Пейн выступает против всякого «откровения», важнейшего компонента традиционных религий: «Каждая из... церквей показывает книги, называемые откровением или словом божьим... Каждая из этих церквей обвиняет другие в безверии; что же касается меня, то я не верю им всем» (18, стр. 248).

Затем Пейн приступает к терпеливой, по выражению прогрессивного немецкого историка Шенфельдера, хирургической операции книг Ветхого и Нового заветов, составляющих Библию. Задача мыслителя доказать, что Библия написана людьми и поэтому священность ее вымышленная, что библейские книги написаны не в те времена, к которым их относит духовенство, и не теми лицами, которых церковь считает авторами, что противоречивое содержание этих книг, хотя иногда и отражает реальные или возможные исторические события, в основном противно разуму, противоестественно и вымышленно.

Путеводителем Пейна в его нелегком деле в немалой степени служит «Богословско-политический трактат», автора которого, Спинозу, Пейн неоднократно упоминает и в «Веке разума», и в своих других сочинениях. Пейн популяризирует и развивает мысли Спинозы, снискавшего себе заслуженную славу родоначальника научной критики Библии.

Пейн начинает с анализа Пятикнижия и доказывает, что автором его не мог быть Моисей, так как об этом свидетельствует различная грамматическая структура частей, составляющих Пятикнижие. Так, книги Исход, Левит и Числа написаны в третьем лице. Во Второзаконии смена лиц, ведущих повествование, происходит четырежды: то анонимный автор говорит о Моисее, то сам Моисей выступает в роли говорящего и т. д.

Интересны рассуждения Пейна о библейском тексте, рассказывающем о смерти Моисея, напоминающие критику Пятикнижия Гоббсом и Спинозой. Спиноза пишет, что свидетельство об этой смерти «мог, конечно, дать не Моисей сам о себе и не другой, кто непосредственно следовал за ним, но кто-нибудь, живший много веков спустя, в особенности потому, что историк говорит о прошедшем времени, именно: «Не существовал никогда пророк», и пр. И о могиле он говорит, что «никто не знает ее до сего дня» (39, стр. 130). Пейн об этом факте пишет следующее: «Автор (Второзакония. — *Н. Г.*) говорит нам также, что ни один человек не знает, где могила Моисея, до сего дня, то есть до того времени, когда жил автор. Но как тогда он узнал, что Моисей похоронен в долине в земле Моавитской (об этом во Второзаконии речь идет дальше. — *Н. Г.*)? Ведь писатель этот жил долгое время спустя. А из его выражения до сего дня, указывающего на большой промежуток времени, прошедший после смерти Моисея, явствует, что он определенно не был на его похоронах. С другой стороны, невозможно, чтобы сам Моисей мог сказать, что ни один человек не знает, где находится могила. Делать Моисея автором книги — значит уподобить его ребенку, который, играя, прятался и кричит: «Никто меня не найдет»; никто не найдет Моисея!» (18, стр. 303—304).

Пейн разделяет мысль Спинозы, что Пятикнижие было написано не Моисеем, а каким-то другим лицом, жившим много веков спустя после него, и уточняет: «... книга Бытия, не будучи написана Моисеем, не могла быть написана по меньшей мере до времени Саула» (18, стр. 307), что же касается Второзакония, то автором его был иудейский священник, живший «по меньшей мере на триста пятьдесят лет позже Моисея» (там же, стр. 304). Эти заключения Пейна резко расходились с утверждениями иудейских и христианских богословов (от которых они не отказались и поныне), что Пятикнижие относится к XV в. до н. э. Впоследствии догадки Пейна были подкреплены и уточнены научной критикой Библии, которая установила, что отдельные книги Пятикнижия появились в гораздо более поздние времена, нежели XV в. — время легендарного Моисея, а объединение их в Пятикнижие произошло еще позже, в V в. до н. э. О том, как Пейн делает доступным американскому и французскому читателю отдельные положения Спинозы и как он развивает мысли философа, наглядно свидетельствует приводимое ниже сравнение некоторых их рассуждений.

Спиноза

«Должно заметить, что некоторые местности называются не теми име-

Пейн

«В четырнадцатой главе книги Бытия рассказывается... Авраам... прес-

нами, которые они имели при жизни Моисея, но другими, которыми они были обозначены уже много лет спустя. Например, Авраам преследовал врагов «до Дана» (см. Бытие, гл. 14, ст. 14), а такое название этот город получил только много лет спустя после смерти Иисуса (см. Судей, гл. 18, стр. 29)» (39, т. II, стр. 130).

следовал их [врагов] до Дана (ст. 14).

Чтобы показать, как выражение «преследовал их до Дана» применяется мной в данном случае для хронологического исследования, я приведу два примера — один из американской, а другой из французской истории.

Город в Америке, ныне именуемый Нью-Йорком, первоначально назывался Новым Амстердамом. Город во Франции, позже называемый Гавр Марат, ранее назывался Гавр де Грас. Новый Амстердам был переименован в Нью-Йорк в 1664 г., а Гавр де Грас в Гавр Марат в 1793 г. И если бы был найден документ, хотя и недатированный, но в котором упоминался бы Нью-Йорк, это свидетельствовало бы о том, что он не мог быть составлен до того, как Новый Амстердам был переименован в Нью-Йорк, то есть до 1664 г., а должен был быть написан позже или по крайней мере в течение этого года. Подобным же образом любой недатированный документ, в котором упоми-

нается название Гавр Марат, содержит в себе доказательство того, что он написан после переименования Гавр де Грас в Гавр Марат, то есть не раньше 1793 г. или по меньшей мере в течение этого года.

А теперь я подобным же образом докажу, что города Дан не было ни во времена Моисея, ни много лет спустя и, следовательно, что Моисей не мог быть автором книги Бытия, где рассказывается о том, как Авраам преследовал врагов, пленивших Лота, до Дана» (18, стр. 305).

Подводя итоги своему разбору содержания пяти книг Библии, приписываемых Моисею, Пейн приходит к следующему выводу: «Отнимите от книги Бытия веру в то, что Моисей является ее автором, на чем только и зиждется странное мнение, что все это — слово божие, и от книги Бытия не останется ничего. Она превратится в анонимную книгу рассказов, басен, преданий, бессмыслицы и явной лжи. История о Еве и змие, о Ное и его ковчеге низводится тогда до уровня арабских сказок, лишенных к тому же занимательности, а рассказы о людях, живших по восемьсот — девятьсот лет, становятся такой

же сказкой, как и языческий миф о бессмертии гигантов» (18, стр. 308).

После анализа Пятикнижия Пейн исследует части Ветхого завета, известные как книги Иисуса Навина, Судей, Руфь и Самуила, и доказывает, во-первых, что почти все эти сочинения были написаны «гораздо позже того времени», к которому их относит церковная традиция, и, во-вторых, что все они написаны не теми авторами, которым приписывает их церковь, а являются анонимными и, следовательно, не авторитетными и не заслуживающими доверия. Используя лингвистические данные и внутреннюю несообразность библейских книг, Пейн обращается к «попам всех сортов» с гневным вопросом: «Неужели перед лицом такой массы доказательств вы еще имеете смелость выходить на свои кафедры и продолжать навязывать эти книги своим прихожанам в качестве трудов писателей, вдохновленных свыше, и слова божьего, когда доказано со всей возможной очевидностью, что те, кого вы выдаете за авторов, не являются таковыми и вы сами не знаете, кто же были на деле авторы этих книг?» (18, стр. 316).

Пейн исследует библейские книги Царств и Паралипоменон, повествующие об истории народов Израиля и Иудеи, истории, полной кровопролитных войн и насилий, и отвергает важный религиозный догмат о богоизбранности еврейского народа. Хотя мыслитель и не мог научно объяснить, как возникла вера

в богоизбранность, характерная для многих народов древности, но он дает передовое для своего времени, просветительское объяснение этого факта: «Лестное название богоизбранного народа — не что иное, как ложь, которую придумали еврейские попы и вожди с целью прикрыть свою низость и которую стали исповедовать христианские попы, иногда столь же развращенные, а часто и столь же жестокие» (18, стр. 319).

Развивая идеи Спинозы и английских деистов, Пейн обстоятельно анализирует и другие книги Ветхого завета. Оригинальный критический разбор библейских текстов позволяет ему прийти к важным выводам, предвосхищающим открытия научной критики Библии в XIX в. Так, например, рассматривая книгу Екклезиаста, Пейн ставит под сомнение приписываемое церковью авторство ее Соломону, хотя в его время этот ошибочный взгляд разделялся не только богословами, но и многими критиками Библии. Впоследствии научная критика Библии установила, что книга Екклезиаста, возможно, была написана в III в. до н. э., т. е. на семьсот лет позже, чем имело место предполагаемое царствование Соломона. Подобные же соображения Пейн высказывает относительно книг пророков, и в частности пророка Исаяи. Пейн устанавливает, что 44-я и начало 45-й главы этой книги были написаны более чем через полтора столетия спустя после смерти Исаяи. Вывод Пейна был впоследствии подтвержден

научной критикой Библии, выявившей не менее трех источников, на основе которых была составлена книга Исаяи.

По мнению Пейна, ветхозаветные пророки были поэтами и музыкантами, а лица, способные предсказать будущее (т. е. гадалы), назывались провидцами. Эти последние «разделялись на партии и пророчествовали за или против согласно тому, к какой партии они принадлежали» (18, стр. 339). Однако позже первое понятие поглотило второе, и уже христианство «возвысило этих поэтов, музыкантов, заклинателей, толкователей снов, бродячих актеров в ранг пророков» (18, стр. 339).

Выводы Пейна о ветхозаветных пророках и их пророчествах лишали ореола святости одно из важнейших положений христианского вероучения, согласно которому чудесное явление в мир Иисуса Христа и его миссия были предсказаны пророками. Пейн показывает, как христианство приспособило положения Ветхого завета к потребностям главного мифа новой религии. Так, например, Иона и кит из Ветхого завета были превращены в символы: Иона — Иисус, кит — могила. Приверженцы новой религии — «христианские иудеи и христианские язычники старательно выискивали и прилаживали друг к другу пророчества и то, о чем пророчествовали, символ и символизируемое, знак и обозначаемое, как отмычки к старым замкам» (18, стр. 365).

Богословы предприняли немало новых усилий для сохранения авторитета пророков и прямого или косвенного выступления против книги Пейна. Таковы были вышедшая в 1797 г. книга Д. Леви «Защита Ветхого завета...» и многократно издававшийся труд епископа Ньютона «Рассуждение о пророчествах». Ответом на подобные богословские сочинения явился упомянутый выше труд Пейна 1807 г. «Проверка мест из Нового завета, цитируемых в Ветхом завете и называемых пророчествами об Иисусе Христе». Пейн снова доказывал, что «эти места относятся к обстоятельствам, в которых жили евреи в то время, когда они были высказаны или записаны, и никакого отношения не имели к тому, что случилось или не случилось несколько столетий спустя» (17, т. II, стр. 849). Таким образом, они отнюдь не были пророчествами.

В своем мастерском анализе Нового завета Пейн исходит из того, что «существование такого лица, как Иисус Христос, и его распятие... исторические события, не выходящие за рамки возможного» (18, стр. 251), четко отделяет возможно существовавшего, по его предположению, Христа от мифического и выступает как предшественник исторической школы критики Библии Баура и Штрауса. Об этом с полным основанием писал биограф Пейна Конвей. По мнению Пейна, вопрос о том, существовал ли Христос в действительности, вообще никакого значения

не имеет. «Басня об Иисусе Христе, как она рассказана в Новом завете, и возникшее из нее дикое и фантастическое учение — вот против чего я борюсь», — писал мыслитель (18, стр. 347).

Более того, возвращаясь к этому вопросу в «Проверке пророчеств...», Пейн определенно отрицает и исторического Христа. Он пишет: «Нет написанной истории времени, к которому относят жизнь Иисуса Христа, где говорилось бы о существовании такой личности [не только как бога, но] даже человека» (17, т. II, стр. 880).

Пейн подходит к христианству как явлению отнюдь не божественному, а вполне земному, историческому: «... теория так называемой христианской церкви возникла из охвоты языческой мифологии» (18, стр. 250).

Так, история о непорочном зачатии Марии «того же рода, что история о Юпитере и Леде, Юпитере и Европе или о любом другом любовном походе Юпитера» (18, 348), миф о воскресении Христа, как и всякий другой подобный миф, мог быть порожден воображением, в христианской «троице» видны следы многобожия, канонизация святых имеет в своей основе обожествление героев у язычников.

Интересны попытки Пейна выяснить социальные предпосылки возникновения христианства. В «Веке разума», допуская существование исторического Христа, он видит в нем человека, который намеревался освободить

еврейский народ от римской зависимости и господства иудейских священников. Примечательна в этой связи и мысль Пейна, что именно в народной среде возникли представления о «спасителях», имена которых приобретали «самую широкую популярность», и что основатели иудейской, христианской и мусульманской религий происходили из демократической среды, «были самого темного происхождения. Моисей был подкидыш, Иисус Христос родился в хлеве, а Магомет был погонщиком ослов» (18, стр. 260).

Рассмотрев внутреннюю противоречивость рассказа о легендарном Христе, содержащегося в евангелиях, Пейн приходит к заключению о неавторитетности Нового завета: «Когда начали появляться книги, приписываемые Матфею, Марку, Луке и Иоанну, совершенно неизвестно. Нет никаких сведений ни о том, кто были лица, написавшие их, ни о времени их написания. Они могли бы точно так же быть названы именем любого из мнимых апостолов, как и теми именами, по которым они теперь называются. Подлинниками не располагает ни одна из существующих христианских церквей, как не обладают иудеи двумя каменными скрижалями, написанными якобы перстом бога и данными Моисею на горе Синай. А если бы они и были, то как в том, так и в другом случае не было бы возможности доказать подлинность рукописи» (18, стр. 361).

Деизму Пейна свойственно резко отрицательное отношение к религиозной, и

в частности библейской, морали. Вопросы этики занимают в учении мыслителя важное место. Для Пейна борьба разума и просвещения против невежества и распространенных религиозных предрассудков была тесно связана с разоблачением лицемерного характера проповедуемой религиозной морали и непримиримостью к церковной опеке над образованием. Пейн не смог научно объяснить происхождение морали, ее зависимость от развития общественных отношений, определяемых материальными условиями бытия. Его учение о морали несет на себе печать идеалистического подхода: религия откровения порождает зло, религия деизма порождает добро. Он писал: «Самая предосудительная безнравственность, самые ужасные жестокости и величайшие несчастия, приносящие страдания человеческому роду, имеют своим источником так называемое откровение или религию откровения» (18, стр. 372). Пейн противопоставляет морали религий откровения «естественную мораль», которая диктуется сознанием. Общество не может существовать без морали, единственной идеей которой является содействие счастью живых существ (18, стр. 287). Пейн как деист убежден, что «осуществление нравственной истины, или, иными словами, практическое подражание нравственной благодати бога, есть не что иное, как наше поведение по отношению друг к другу по примеру того, как сам он благодетен ко всем» (18, стр. 287), и что «защищать нравственную справедли-

вость бога против клеветы Библии — долг всякого истинного деиста» (18, стр. 303). Следуя этому долгу, Пейн не упускает случая, чтобы со всей остротой своего пера выступить против морали Библии. Пейну ненавистны и вызывают у него отвращение «непристойные истории, описания сладострастных походов, жестоких и мучительных наказаний, неутомимой мстительности, которыми заполнено более половины Библии» (18, стр. 256). Он отвергает Библию, почитаемую церковью как «священное писание»: «Чтобы без ужаса и отвращения читать Библию, мы должны подавить все, что есть только в человеческом сердце нежного, чувствительного и милосердного. Если бы у меня не было других доказательств ложности Библии, этого одного было бы достаточно, чтобы определить мой выбор» (18, стр. 299). Пейну чуждо христианское учение о прощении врага и любви к нему, и он осуждает это учение как притворное и лицемерное. Евангельская проповедь: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую», пишет Пейн, «убивает достоинство прощения и превращает человека в собачонку» (18, стр. 374). Эти нравственные предписания невозможно выполнить, в случае следования им они стали бы источником зла. Но именно против этого восстает вся гуманистическая нравственность, отстаиваемая Пейном. Он выступает против церкви, органическая черта которой — преследование инакомыслящих: «Те,

кто проповедует доктрину любви к своим врагам, вообще являются величайшими гонителями и поступают последовательно, действуя таким образом. Ведь доктрина эта лицемерна, а поступать обратно тому, что проповедуешь, естественно для лицемерия» (18, стр. 374).

Осуждая библейскую мораль, Пейн ошибочно увидел в Священном писании главный источник несчастий и страданий человечества. Он строил наивные утопические планы замены «религии откровения» «религией гуманности» и, таким образом, ликвидации войн, гонений и мучений, от которых страдают народные массы. Идеалистический и антиисторический подход к объяснению явлений общественной жизни, в том числе и религии, конечно, ослаблял критику Пейном религии и церкви, но Пейн все же внес свой вклад в разработку научной критики Библии, немало сделал для разрыва теологических пут, мешавших развитию научного знания, и для преодоления распространенных религиозных предрассудков.

ПОЛТОРА ВЕКА ПОСЛЕ СМЕРТИ

Когда в июне 1809 г. в одной нью-йоркской газете промелькнуло сообщение о смерти Томаса Пейна, то вряд ли многие читатели задумались над тем, что с этим именем неразрывно связаны величайшие революционные события, происшедшие в последней четверти XVIII в. на двух континентах — в Европе и в Америке, и еще менее над тем, что как нельзя вычеркнуть из истории эти события, так нельзя будет и забыть имя этого человека. Так оно и случилось. Имя Пейна продолжало жить, а идеи его оказывали воздействие на умы людей.

В. И. Ленин писал, что внутри каждой современной национальной культуры идет противоборство двух противоположных культур, что «в каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую» (12, стр. 120—

121). В Англии, Франции и в Соединенных Штатах Пейн был активным представителем именно демократической культуры. После его смерти его труды и идеи продолжали сражаться против всякой реакционной, обскурантистской идеологии, против всего, что тормозило развитие сил прогресса. Вокруг имени Пейна и его идей разгорелась борьба.

Пейн мыслил и действовал как мелкобуржуазный демократ со всеми сильными и слабыми чертами, свойственными мировоззрению той социальной среды XVIII в., из которой он вышел. Сильные стороны его стали достоянием народных масс. Лучшим наследником их явился рабочий класс Англии и Соединенных Штатов Америки.

Еще при жизни Пейна враги приложили много усилий, чтобы исказить и представить в ложном свете его жизнь и деятельность, тем самым подрывая доверие к его учению. В 1791 г. подкупленный английскими консерваторами американский реакционер Джордж Чалмерс, скрывавшийся под псевдонимом Олдис, а в 1809 г. Джемс Читэм написали первые биографии Пейна, в которых изображали замечательного мыслителя и революционера пьяницей, морально и физически нечистоплотным человеком. Не было такой небылицы, которую не выдумали бы они в своих писаниях, чтобы вызвать к Пейну антипатию. Эти пасквилы, выдержавшие множество изданий, послужили источником,

из которого на протяжении всего XIX столетия не раз черпали авторы, принадлежавшие к политическому лагерю, для которого Пейн был отверженным. Историк английской общественной мысли Лесли Стифен, в 1876 г. поносивший Пейна как «невежественного» писателя и ловкого «демагога», возмущался особенно его трудами, подрывающими религию, и в связи с этим писал об «аморальности» Пейна.

Вершины злобных выпадов в конце XIX в. против Пейна достиг Теодор Рузвельт, впоследствии президент США, который в 1888 г. назвал его «ничтожным грязным атеистом».

Ненавистники Пейна не ограничились злобными и грубыми нападками на него. Они запрещали держать в библиотеках его книги и сжигали их, лишь бы слово Пейна не доходило до читателя из народа.

Но все оказалось бессильным заглушить влияние Пейна, и, чем дальше, тем больше клеветнические сочинения антипейновских пасквильянтов разоблачали себя.

Интерес к сочинениям Пейна не только не пропадал, но, напротив, возрастал по мере обострения борьбы сил прогресса против сил реакции. Противники Пейна вынуждены были от грубой ругани в его адрес переходить к утонченной «научной» критике и подобно историку американской литературы Ричардсону, писавшему в 1887 г. «о дешевом и ненаучном критическом методе

и вульгарном характере» трудов Пейна, пытаться таким путем создать отрицательное впечатление об этих трудах. Их упрекали в отсутствии оригинальности. Им ставили в вину то, что в действительности было их заслугой, а именно, что передовые для своего времени идеи Пейн излагал на языке улицы, отказавшись от квазинаучного стиля, наводившего туман на простые истины.

Вместе с тем в ответ на сочинения политических реакционеров и религиозных мракобесов еще с начала XIX в. стали появляться труды, стремившиеся дать объективную характеристику великому революционеру. В 1819 г. Томас Клио Рикман, бывший другом Пейна с 1774 г., издал в Англии его правдивую биографию. Почти одновременно У. Шервиним, получившим из Америки рукописные материалы, была написана другая биография. И тогда же опубликовал биографию Пейна Р. Карлейль. В 1841 г. американец Джильберт Вейль, отличавшийся свободомыслием, составил новую биографию Пейна и издал первое собрание его сочинений. В самом конце XIX в., в 1892 г., английский вольнодумец Монкюр Конвей опубликовал двухтомную биографию Пейна, собрав все доступные ему материалы. Благодаря своей обширной документальности труд Конвея не утратил своего значения и до настоящего времени. На его основе в течение первой половины XX в. были написаны многие описания жизни Пейна.

Из биографий последнего времени заслуживают упоминания книги У Вудворда «Том Пейн: крестный отец Америки» (1945) и А. Олдриджа «Человек разума. Жизнь Томаса Пейна» (1959). Оба автора избегают давать оценку творчеству Пейна в свете классовой борьбы в Англии, Америке и Франции конца XVIII и начала XIX в. Этим работам свойственна буржуазная ограниченность. Слабые стороны мировоззрения Пейна выдаются за сильные и наоборот. Вудворд, например, делает упор на то, что Пейна напрасно обвиняют в атеизме. Пейн действительно не был атеистом, но Вудворд не показывает сильные материалистические тенденции мировоззрения Пейна. И все же книга Вудворда способствует воссозданию (хотя и не вполне точному) образа этого замечательного человека.

Книга Олдриджа выгодно отличается от всех предыдущих изданий биографий Пейна тем, что автор привлек новый значительный материал, почерпнутый им в архивах Англии и Франции. Автор пишет, что объяснять «безразличие, если не враждебность публики (?! или господствующего класса? — Н. Г.) к Пейну главным образом его деистическими сочинениями недостаточно», что «главные враги Пейна были напуганы его политическими, а не религиозными взглядами» (43, стр. 317). Все это так, но и недооценивать критику Пейном Библии нет оснований. Книгу, вызывающую симпатию к Пейну, автор

заканчивает следующими словами: «Парадоксально, но всеобщее принятие его принципов означало упадок его популярности, потому что, по мере того как они принимались и прилагались к обществу, они теряли дух новизны и индивидуальности» (43, стр. 322). К сожалению, Олдридж не уточняет, где именно и какие принципы Пейна нашли свое воплощение. Если он имеет в виду современные Соединенные Штаты или Англию, то как тогда можно объяснить продолжающиеся там искажения взглядов Пейна?

Книга Олдриджа служит примером попытки примирить политические, социологические и антиклерикальные представления Пейна с современной капиталистической идеологией. А таких попыток, и притом гораздо более откровенных, немало. Обращает на себя внимание появление в последнее время ряда работ, посвященных анализу книг Бёрка и Пейна. При этом некоторые авторы, становясь в позу беспристрастных наблюдателей одного из острейших политических споров XVIII в., заявляют, что Бёрк, написавший направленную против революции книгу (которой рады были европейские монархи, воевавшие с революционной Францией), якобы заслуживает уважения. Так, Р. Феннесси в книге «Бёрк, Пейн и права человека» (1963) пишет: «В настоящее время обычным является отдавать дань прозорливости Бёрка. И все же в демократический

век не является неожиданным, что многие люди предпочитают проникнутые духом здравого смысла рассуждения Пейна о правах человека ухищренной защите Бёрком непопулярных институтов. И сегодня, как и в XVIII в., два человека продолжают вместе искать» (56, стр. 254). Так борец за прогресс и идеолог реакции оказываются совместно ищущими... В 1961 г. в Нью-Йорке были изданы в одном томе книга Бёрка «Размышления о французской революции» и «Права человека» Пейна. Издатели снабдили том лишь краткими заметками о двух авторах. В них справедливо говорится о Пейне как американском патриоте и революционере, что он по возвращении в США в 1802 г. как радикальный мыслитель подвергался остракизму. Однако о Бёрке сказано только то, что он был против жестокостей французской революции, и ни слова о том, что он был монархистом и врагом республики. Еще раньше упомянутых книг появились диссертация Хильгера «Критика Бёрком французской революции и его политическая концепция», изданная в Гамбурге в 1958 г., и книга Ф. Канавана «Политический разум Бёрка», вышедшая в США в 1960 г., в которых гальванизируется контрреволюционная концепция этого врага Пейна. Справедливо по этому поводу заметил прогрессивный немецкий историк философии Ииде: «Не способные к творческому развитию мысли, современные реакционеры

хватаются за свой покрытый пылью классический образец» (60, стр. 16).

В ряде работ буржуазных историков 20—50-х годов подчеркивается, что главное в наследии Пейна — пропаганда новой религии и отстаивание мысли о боге. Так, например, Коннелл в работе к 200-летию со дня рождения Пейна пишет: «Пейн очистил Библию, и она не стала от этого хуже» (51, стр. 39). Это одна из попыток отвлечь внимание читателя от его критики религиозных догматов, содержащихся в Библии, от ниспровержения ее авторитета, на который опирается духовенство.

В борьбе за сохранение и подлинно научное объяснение учения Пейна, за популяризацию его гуманистических взглядов, осуждающих социальное неравенство и духовное рабство, главная роль принадлежит марксистам США, Англии и других стран.

Исследования прогрессивных ученых последнего времени показывают, что идеи Пейна сразу же после его смерти в 1809 г. распространялись известными издателями, поплатившимися за свою смелость, — Р. Карлейлем, Т. Уокером, Т. Спенсом и Д. Итоном. Их поддерживали значительные круги пролетариата Англии и США. Они использовались в классовой борьбе. Книги Пейна «Здравый смысл» и «Права человека» находились в кёльнской библиотеке К. Маркса.

Имя «известного демократа» Пейна, как называл его Ф. Энгельс, было популярно

среди английских рабочих (см. 7, стр. 253). Его сочинения, несмотря на чинимые препятствия, доходили до рабочих, у которых пользовались большим спросом, их рекламировала рабочая и радикальная пресса. Еще в 1817 г. радикальный журнал «Черный карлик» указывал на Томаса Пейна как на предшественника социалиста-утописта Роберта Оуэна. В «Письмах из Лондона» (1843) Ф. Энгельс с удовлетворением отмечал, что «в руках рабочих имеются дешевые издания сочинений Томаса Пейна и Шелли» (6, стр. 520). Во многих городах Англии стало традицией отмечать годовщину со дня рождения Пейна. Участники торжественных собраний, созванных по этому поводу, отмечали, что идеи Пейна продолжают оставаться актуальными в условиях ведущейся ими политической борьбы. Имя Пейна с большим уважением упоминалось на рабочих митингах. В сообщении о митинге чартистов 1845 г. Энгельс писал, что его участники «почтили память Томаса Пейна и павших демократов всех стран» (8, стр. 598—599). В том же 1845 г., призывая к прославлению людей, «которые сражались за нечто реальное, а не за иллюзии» (8, стр. 572), Энгельс называл, в частности, «Георга Форстера, — немецкого Томаса Пейна, — который... до самого конца поддерживал французскую революцию... и погиб на эшафоте» (8, стр. 572).

Демократические принципы Пейна и его борьба за избирательное право оказались

созвучными борьбе чартистов за всеобщее избирательное право и другие реформы. Не случайно в 1842 г. «Национальная чартистская ассоциация» издала в одном томе труды Пейна («Права человека», «Здравый смысл» и «Аграрная справедливость») и свою хартию. В предисловии к изданию было сказано: «В Пейне свобода нашла своего страстного друга, деспотизм — непримиримого врага; добродетель нашла в нем бесстрашного защитника, а бронзовое зло (т. е. монархия.—Н. Г.) поколебалось от силы его магического пера» (цит. по 48, стр. 23).

Английский прогрессивный историк Брунел нашел еще один факт, подтверждающий связь между чартизмом и Пейном. В сообщении о суде над Уильямом Доулингом в связи с заговором «Апельсиновое дерево» в сентябре 1848 г. говорилось, что сержант полиции нашел мандаты двух чартистов, которые были «должным образом избраны как представители Бригады Томаса Пейна на собрание в [таверне] «Апельсиновое дерево» в Лондоне» (48, стр. 23).

Многое делала для популяризации взглядов Пейна по вопросам религии и пресса английских свободомыслящих. В 1859 г. журнал «Инвестигейтер» писал: «Попы отвергли их (Пейна и Р. Бернса.—Н. Г.), но они выросли в глазах... людей грамотных и «толпы»» (48, стр. 23). Даже буржуазный историк Гоулд вынужден был признать, что «весь XIX в. малообразованные, но думаю-

щие ремесленники перелистывали написанные резко и сильно страницы «Века разума»» (59, стр. 142).

Прогрессивная английская общественность в настоящее время продолжает пропагандировать передовые идеи Пейна. Издаются его книги, публикуются сочинения о его жизни и деятельности. В Библиотеке имени К. Маркса в Лондоне и в «Пейновском обществе» периодически устраиваются выставки, посвященные Т. Пейну.

В Соединенных Штатах Америки книги Пейна неизменно пользуются спросом в самых широких кругах читателей из среды рабочих и демократической интеллигенции. И здесь, как и в Англии, с 20-х годов XIX в. передовые круги американского общества начали регулярно праздновать годовщины со дня рождения Пейна. Последователи его создавали общества, пропагандировавшие его взгляды. В 1818 г. религиозная пресса подвергла резким нападкам «Дискуссионное общество» за то, что оно пропагандировало идеи Вольтера и Пейна. Упомянутый биограф Пейна Вейль, решивший «наводнить страну популярной деистической книгой» Пейна «Век разума», в 1845 г. организовал ее дешевое издание (67, стр. 157).

На идеях Пейна учились деятели рабочего и коммунистического движения.

Американские марксисты Д. Аллен, Ф. Фонер и другие внесли ценный вклад в изучение и пропаганду творческого наследия

Пейна. В этой связи следует упомянуть подготовленное Ф. Фонером в 1945 г. двухтомное издание сочинений Пейна, единственное современное издание такого рода, которым вот уже более двадцати лет широко пользуются ученые всех стран, изучающие мировоззрение и деятельность Т. Пейна.

7 июня 1959 г. орган Американской коммунистической партии газета «Уоркер», отмечая 150-летие со дня смерти Пейна, писала: «Ныне, как и прежде, истинные борцы за демократию принадлежат самому передовому движению времени».

Обострение идеологической борьбы в современных условиях сказалось и на изучении творчества Пейна. Наряду с английскими и американскими марксистами в защиту Пейна, против искажения и извращения его взглядов выступили ученые ряда социалистических стран. Большой вклад в это дело внесли, в частности, ученые Германской Демократической Республики: Мёнке, Шенфельдер и Ииде. Они опубликовали переводы трудов Пейна с предисловиями и комментариями, а также исследования о нем.

Деизм Пейна, сыгравший положительную роль в подрыве религиозных верований, господствовавших в XVIII в., ныне, конечно, устарел, но критика Пейном Библии, его выступления против духовенства не потеряли своего значения и в наши дни, когда духовенство, в особенности в США, усиленно пропагандирует Библию.

Демократическим идеалам, которые провозглашал Пейн, пришли на смену идеи марксизма-ленинизма, наиболее полно и всеобъемлюще отражающие чаяния трудящихся масс. Но и призывы Пейна к свержению тиранических порядков, к ликвидации социальной несправедливости, к уничтожению национального неравенства, расизма и колониализма, к миру между народами звучат актуально в наше время.

* *

*

Имя Пейна, ненавистное монархическим и реакционным кругам Европы и Америки, было ненавистно и правящим кругам царской России. В ноябре 1792 г. русский посол в Англии граф С. Р. Воронцов писал, что эмиссары французской революции стремятся совратить и Англию и в этих целях «возбуждают беспокойные головы, подкупают газетчиков, журналистов и мастеров брошюр в духе Томаса Пейна» и что правительство Питта «страшится открытой войны, которая будет в тысячу раз опаснее, чем тайная и вероломная война, которую ведут якобинцы против Великобритании» (21, стр. 272). Это послание в Россию вполне отражало настроения окружения Екатерины II, которая сказала как-то о Радищеве: «Он хуже Пугачева; он хвалит Франклина».

И если, как писал А. С. Пушкин, монархиня «не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии», то естественно, что имя самоотверженного революционера и яркого врага монархии Пейна должно было быть особенно ненавистно царскому двору.

В конце XVIII и в течение всего XIX в. труды Пейна в России были под запретом. Однако идеи Пейна все же доходили до русских читателей, хотя о самом мыслителе они знали очень мало. Одним из источников проникновения в Россию в 80—90-х годах XVIII в. взглядов Пейна был труд Рейналя «Философская и политическая история об учреждениях и торговле европейцев в обеих Индиях», и в частности последний том его — «Революция в Америке». В этой книге Рейналь, между прочим, конспективно изложил заключительную часть «Здравого смысла» Пейна. Самого автора Рейналь называл по его псевдониму «Здравый смысл». Более того, как заметил сам Пейн, в ряде мест Рейналь, не ссылаясь на Пейна, иногда буквально заимствовал некоторые важные места памфлета (например, мысли о различии между обществом и государством). Поскольку, как доказал в 1923 г. советский ученый В. П. Семенников, «Американскую революцию» Рейналя читал Радищев, то, как нам представляется, яркие места этой книги, принадлежавшие Пейну, не могли остаться для русского революционера незамеченными.

Не удивительно, что в русском переводе труда Рейналя, изданном «по высочайшему его императорского величества повелению» в Санкт-Петербурге в 1805—1811 гг., «Революция в Америке», где были и ссылки на «Здравый смысл» и заимствования из сочинения Пейна, помещена не была.

Для русских революционеров, в частности А. И. Герцена, Пейн был символом прогрессивных сил (см. 28, стр. 100).

Лишь в начале XX в., почти через сто лет после смерти Пейна, отрывки из его трудов впервые увидели свет на русском языке. Буржуазный либерал П. Г. Мижуев в книге «Великий раскол англосаксонской расы» поместил извлечение из пейновского «Здравого смысла», снабдив его выразительным примечанием, с намеком на царскую цензуру, что возможно опубликовать только самое небольшое извлечение по соображениям, которые, как он надеялся, будут весьма понятны читателю.

Только при Советской власти труды Пейна стали достоянием широких кругов читателей и предметом изучения в нашей стране. Научный анализ мировоззрения Пейна был предпринят еще в довоенные годы профессором Б. Э. Быховским. В 1959 г., к 150-летию со дня смерти Пейна, в СССР впервые вышло научное издание «Избранных сочинений» Пейна. Исследованием Пейна занимались профессор М. П. Баскин, академик А. М. Деборин, ученые В. В. Воронов,

Б. С. Громаков, Л. Н. Гончаров, Х. Ф. Сабиров.

Творчество Томаса Пейна, выходца из народа, великого революционера и демократа, отстаивавшего интересы угнетенных масс, идеи мира и социального прогресса, привлекает внимание советской исторической и философской науки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ТОМАСА ПЕЙНА

Печатается по изданию
Т. Пейн. Избранные сочинения.
М., 1959

ИЗ «ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА»

Некоторые авторы настолько смешали [понятия] общество и правительство, что между ними не осталось никакого или почти никакого различия; между тем это вещи не только разные, но и разного происхождения. Общество создается нашими потребностями, а правительство — нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же — отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое — это защитник, второе — каратель.

Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае — зло нестерпимое; ибо, когда мы страдаем или сносим от правительства те же невзгоды, какие можно было бы ожидать в стране без правительства, несчастья наши усугубляются сознанием того, что причины наших страданий созданы нами. Правительство, подобно одеждам, означает утраченное целомудрие: царские дворцы воздвигнуты на развалинах райских беседок. Ведь если бы веления совести были ясны, определены и беспрекословно исполнялись, то человек не нуждался бы ни в каком ином законодательстве; но раз это не так, человек вынужден отказаться от части своей собственности, чтобы обеспечить средства защиты остального, и сделать это он вынужден из того же благоразумия, которое во всех других случаях подсказывает ему выбирать из двух зол наименьшее. И так как безопасность является подлинным назна-

чением и целью правительственной власти, то отсюда неопровержимо следует, что какой бы ни была ее форма, предпочтительнее всех та, которая всего вернее обеспечит нам эту безопасность, с наименьшими затратами и с наибольшей пользой...

Мои идеи о форме правления основаны на законе природы, который никакая изощренность не способна поколебать, а именно — чем проще вещь, тем труднее ее испортить и тем легче ее исправить, когда она испорчена; исходя из этого положения, я хотел бы сделать несколько замечаний насчет столь хваленной конституции Англии. Бесспорно, она являла собой нечто благородное в те мрачные времена рабства, когда была создана. Когда тирания правила миром, малейшее отступление от нее было уже замечательным освобождением. Легко, однако, показать, что конституция эта несовершенна, подвержена потрясениям и не способна дать то, что как будто бы обещает...

Я знаю, как трудно преодолеть местные или старинные предрассудки; и тем не менее, если мы решимся исследовать составные части английской конституции, то найдем, что они являются порочными остатками двух древних тираний, к которым примешаны кое-какие новые республиканские элементы.

Во-первых, остатки монархической тирании в лице короля.

Во-вторых, остатки аристократической тирании в лице пэров.

В-третьих, новые республиканские элементы в лице членов палаты общин, от доблести которых зависит свобода Англии.

Оба первых учреждения, будучи наследственными, не зависят от народа; поэтому в конституционном смысле они ничем не способствуют свободе государства.

Утверждать, что конституция Англии является союзом трех взаимно поддерживающих сил, — просто смешно: либо слова эти лишены всякого смысла, либо заключают в себе грубое противоречие.

Утверждать, что палата общин контролирует короля, можно лишь при двух условиях:

Во-первых, что королю нельзя доверять, не следя за ним; или, другими словами, что жажда абсолютной власти есть недуг, присущий монархии.

Во-вторых, что палата общин, будучи предназначена для этой цели, или более мудра, или, скорее, достойна доверия, нежели королевская власть.

Но так как та же конституция, которая дает право палате общин контролировать короля, отказывая ему в налогах, дает затем королю власть над палатой, позволяя ему отвергать другие ее законопроекты, то это в свою очередь предполагает, что король более мудр, нежели те, которые уже были сочтены более мудрыми, чем он сам. Чистый абсурд!..

Едва ли нужно доказывать, что король представляет собой важнейший элемент английской конституции и что его влияние просто-напросто основывается на том, что от него зависит раздача должностей и пенсий...

Чем ближе форма правления к республике, тем меньше дела у короля. Довольно трудно найти подходящее имя для английской формы правления...

Ведь это республиканскую, но не монархическую часть конституции Англии прославляют англичане, а именно — свободу выбора палаты общин из своей среды. И не трудно увидеть, что с падением республиканских добродетелей наступает рабство. Потому-то и несостоятельна конституция Англии, что монархия отравила республику, а корона поглотила палату общин.

В Англии король только и делает, что воюет и раздает должности; иначе говоря, разоряет нацию и сеет в ней ссоры. Хорошенькое занятие для человека, получающего в год восемьсот тысяч фунтов стерлингов и вдобавок боготворимого! Один честный человек дороже для общества и для господа, чем все коронованные негодяи, когда-либо жившие на земле...

На тему о борьбе между Англией и Америкой написаны целые фолианты. По различным мотивам

и с разными намерениями люди всех званий вступали в полемику, но все было бесплодно, и период дебатов закончился. Оружие как последнее средство решает сейчас спор. На него пал выбор короля, и [амер.] континент принял этот вызов...

Никогда еще солнце не светило более достойному делу. Это вопрос не какого-нибудь города, графства, провинции или королевства, это вопрос целого континента, составляющего по крайней мере одну восьмую часть обитаемого мира. Это не вопрос дня, года или эпохи; в борьбу фактически вовлечено потомство, и оно до скончания века будет в той или иной степени подвергаться влиянию настоящих событий...

Когда дело перешло от споров к оружию, наступила новая эра в политике и возник новый ход мысли. Все планы, предложения и т. п. до девятнадцатого апреля, т. е. до начала военных действий*, подобны прошлогоднему календарю, отслужившему свое и теперь устаревшему и ненужному. Что бы в то время ни выдвигалось защитниками разных сторон в споре, все заканчивалось одним и тем же, т. е. союзом с Великобританией. Единственное разногласие между партиями заключалось в методе осуществления этого решения. Одни предлагали насилие, другие — дружбу...

Поскольку много говорилось о преимуществах примирения, которое, подобно сладостной мечте, ушло и оставило нас в прежнем положении, вполне уместно проверить доводы другой стороны и исследовать хотя бы часть того многообразного материального ущерба, который терпят колонии и всегда будут терпеть до тех пор, пока существует их связь с Великобританией и зависимость от нее. Необходимо изучить эту связь и зависимость в свете законов природы и здравого смысла, чтобы понять, на что нам

---

* 18 апреля 1775 г. английские войска двинулись из Бостона, чтобы захватить в Конкорде склад оружия американских колонистов. 19 апреля в сражениях у Конкорда и Лексингтона колонисты одержали победу над английскими войсками. — Н. Г

рассчитывать при отделении и что нас ожидает, если мы останемся зависимыми. Я слышал утверждения некоторых о том, что поскольку Америка процветала при своей прежней связи с Великобританией, то такая связь необходима для ее счастья в будущем и всегда будет приносить те же плоды. Ничто не может быть ошибочнее доводов подобного рода. Таким же образом можно утверждать, что козь скоро дитя поправлялось от молока, то ему вообще не нужно мяса или что первые двадцать лет нашей жизни должны стать примером и для последующего двадцатилетия. Но даже такое допущение заходит дальше, чем нужно, ибо я положительно утверждаю, что Америка процветала бы в такой же степени и, по всей вероятности, даже гораздо больше, если бы никакое европейское государство не обращало на нее внимания. Америка обогатила себя, продавая Европе предметы первой необходимости, и сбыт им всегда будет обеспечен, пока Европа не оставит привычку к еде.

Но ведь она [Англия] защищала нас, говорят некоторые. Допустим, что она владела нами полностью, это верно, что она защищала континент за наш счет, так же как и за свой собственный, но она защищала бы и Турцию из тех же соображений, т. е. ради коммерции и власти.

Увы! Мы долгое время находились во власти старых предрассудков и приносили большие жертвы своим суевериям. Мы гордились покровительством Великобритании, не учитывая того, что к этому ее побуждал интерес, но не привязанность и что она защищала нас от наших врагов не ради нас самих, но от своих врагов и ради самой себя, от тех, кто не был с нами в ссоре ни по каким другим причинам, но кто всегда будет нашим врагом по той же причине. Пусть бы только Великобритания отказалась от своих притязаний на континент или пусть бы континент сбросил с себя зависимость, и мы бы жили в мире с Францией и с Испанией, даже если бы эти страны и находились в войне с Британией. Бедствия послед-

ней Ганноверской войны должны были предостеречь нас от союзов...

Но Британия — наша мать, говорят некоторые. Тогда тем более позорно ее поведение. Даже звери не пожирают своих детенышей, даже дикари не нападают на своих родных; вот почему такое утверждение, если оно верно, оборачивается по отношению к ней упреком; но, оказывается, оно не верно или верно лишь отчасти: слова *р о д и н а* или *р о д и н а - м а т ь* иезуитски использовались королем и его туенядцами с низким папистским умыслом повлиять на наши легковверные и слабые умы. Отечество Америки — это Европа, а не Англия. Новый Свет стал убежищем для гонимых приверженцев гражданской и религиозной свободы из всех частей Европы. Сюда бежали они не от нежных материнских объятий, но от жестокости чудовища, и в отношении Англии это настолько верно, что та тирания, которая выгнала из дому первых эмигрантов, все еще преследует их потомков...

Много говорилось об объединенной мощи Британии и колоний; о том, что, будучи в союзе, они могут бросить вызов всему миру. Но это простая самонадеянность; военное счастье переменчиво, а фразы эти ничего не значат, ибо мы никогда не допустим, чтобы континент наш обезлюдел ради оказания помощи британскому оружию в Азии, Африке или Европе.

Кроме того, с какой стати нам меряться силами со всем светом? Наша задача — торговля, а если ее вести как следует, то это обеспечит нам мир и дружбу со всей Европой, потому что вся Европа заинтересована в беспрепятственной торговле с Америкой. Ее торговля всегда будет служить ей защитой, а бедность недр золотом и серебром предохранит от захватчиков.

Я призываю самых горячих защитников политики примирения показать хотя бы одно преимущество, какое континент может получить от связи с Великобританией. Я повторяю этот вызов; таких преимуществ нет. Хлеб наш найдет свой сбыт на любом

европейском рынке, а за привозные товары нужно платить, где бы мы их ни покупали.

Неудобства же и убытки, какие мы терпим от этой связи, неисчислимы; и долг наш перед всем человечеством, как и перед самими собой, ведет нас к расторжению союза, ибо всякое подчинение Великобритании или зависимость от нее грозят непосредственно втянуть наш континент в европейские войны и распри и ссорят нас с нациями, которые иначе искали бы нашей дружбы и на которых у нас нет ни зла, ни жалоб. Поскольку Европа является нашим рынком, нам не следует вступать в предпочтительную связь с какой-либо ее частью. Истинный интерес Америки — избегать европейских раздоров, но этого она никогда не сможет сделать, пока в силу своей зависимости от Британии она служит довеском на весах британской политики...

Все, что есть верного и разумного, молит об отделении. Кровь убитых, рыдающий голос природы вопиют «пора расстаться».

Хотя мне хотелось бы избежать лишних оскорблений, однако я склонен полагать, что всех сторонников доктрины примирения можно распределить по следующим категориям:

Заинтересованные лица, которым нельзя доверять; слабые, которые не могут видеть; предубежденные, которые не хотят видеть, и особый род умеренных людей, думающих о Европе лучше, нежели она этого заслуживает; эта последняя категория людей в результате своего необоснованного суждения станет причиной больших бедствий для континента, чем первые три...

Предположение, что континент сможет долго оставаться в подчинении какой-либо внешней власти, противоречит рассудку, общему порядку вещей и всем примерам предшествующих веков. В Британии даже самые крайние оптимисты не думают этого. Даже величайшее напряжение человеческой мудрости не может в настоящее время придумать план, который бы мог без отделения обещать континенту хотя бы

год безопасности. Примирение — это теперь обманчивая мечта...

Поэтому раз ничто, кроме драки, не поможет, ради бога, отделимся и окончательно помешаем грядущим поколениям резать друг другу горло, прикрываясь оскверненными и бессмысленными словами о сынах одной отчизны...

Не гордость, не принадлежность к партии, не перенесенная обида побуждают меня отстаивать доктрину отделения и независимости; я глубоко и искренне убежден, что это отвечает подлинным интересам континента, что все, кроме этого, есть просто кое-как положенная заплата, не способная обеспечить благоденствия, что все иное означает лишь передачу меча нашим детям и отступление в такое время, когда не хватает лишь самой малости, чтобы доставить нашему континенту мировую славу.

Так как Британия не обнаружила ни малейшей склонности к компромиссу, то мы можем быть уверены, что невозможно [мирным путем] достичь условий, достойных быть принятыми континентом, или чего-либо, что могло бы возместить уже понесенные нами жертвы людьми и деньгами...

Но допустим, что мы помирились, к чему бы это привело? Я отвечаю — к гибели континента. И по следующим причинам:

Во-первых. Так как верховная власть останется все-таки в руках короля, ему будет принадлежать право вето на все законодательные акты континента. А так как он показал себя закоренелым врагом свободы и обнаружил жажду неограниченной власти, то подобает ли ему [право] говорить нашим колониям: вы не издадите законов иначе, как с моего одобрения! После так называемого примирения можно ли сомневаться, что вся власть короны будет направлена на то, чтобы держать этот континент в возможно более приниженном, жалком положении? Вместо того чтобы идти вперед, мы пойдем назад, будь то с вечными распрями или с дурацкими петициями. Мы и так уже [выросли] больше, чем того желал бы король, не постарается

ли он впредь нас укоротить? Если свести все дело к одному вопросу, то я спрашиваю — способна ли власть, враждебная нашему процветанию, управлять нами?

Кто бы ни ответил [на этот вопрос] отрицательно, тот сторонник независимости, ибо независимость сводится к тому, будем ли мы сами издавать свои законы или король — наизлейший враг, какого только имеет или может иметь наш континент, — будет говорить нам — никаких других законов, кроме тех, что угодны мне...

Во-вторых. Поскольку даже лучшие условия, на которые мы можем надеяться, могут быть не чем иным, как только временным выходом или же правлением-опекой, которое может продлиться только до совершеннолетия колоний, постольку общий характер и положение вещей в этот промежуточный период будут неопределенными и неутешительными...

Но наиболее сильный из всех доводов состоит в том, что ничто, кроме независимости, то есть [собственной] формы правления для континента, не сможет сохранить ему мир и уберечь от гражданских войн...

Нам принадлежит неотъемлемое право иметь собственное правительство, и всякий, кто всерьез поразмыслит над непрочностью человеческих дел, придет к убеждению, что куда разумнее и безопаснее хладнокровно и обдуманно выработать собственную конституцию, пока это в нашей власти, нежели доверить столь значительное дело времени и случаю (стр. 21—46).

ИЗ «ВЕКА РАЗУМА»

ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ АВТОРА

Уже в течение нескольких лет я намеревался опубликовать мои мысли о религии. Я хорошо сознаю трудности, связанные с предметом, и из этих соображений отложил его осуществление до более позднего периода моей жизни. Я предполагал, что этот труд будет моим последним приношением согражданам всех наций, причем в такое время, когда чистота мотивов, побудивших меня к этому, не возбудит сомнения даже у тех, кто, может быть, не одобрит самый труд. События, которые произошли сейчас во Франции и привели к уничтожению всего национального института духовенства и всего относящегося к принудительным системам религии и атрибутам веры, не только поторопили меня в моем замысле, но и сделали работу такого рода необходимой для того, чтобы при общем крушении предрассудков, ложных систем правительства и ложной теологии мы не потеряли из виду нравственности, человечности и той теологии, которая истинна.

Несколько моих коллег и сограждан во Франции подали мне пример, изложив избранное ими индивидуальное исповедание веры, и я сделаю то же самое; я сделаю это с той искренностью и откровенностью, с какой разум человека может сообщаться только с самим собой.

Я верю в единого бога и надеюсь на счастье за пределами земной жизни.

Я верю в равенство людей и полагаю, что религиозные обязанности состоят в справедливости по-

ступков, милосердии и стремлении сделать наших собратьев счастливыми.

Но для того чтобы не предположили, что я вдобавок к этому верю еще во что-то, на страницах настоящего сочинения я высказался, во что я не верю и причины, почему я в это не верю.

Я не верю в религии, исповедуемые церковью еврейской, римской, греческой, турецкой, протестантской или какой-либо другой известной мне церковью. Мой собственный ум — моя церковь.

Все национальные церковные учреждения, будь то еврейские, христианские или турецкие, представляются мне не чем иным, как человеческим изобретением, предназначенным для того, чтобы запугивать и поработать человечество, монополизировать власть и доходы.

Заявляя это, я не думаю осуждать тех, кто верует иначе. Они имеют такое же право на свою веру, как я на свою. Однако для счастья человека необходимо, чтобы он был мысленно честен перед собой. Безверие не состоит в веровании или неверовании, оно состоит в том, что человек притворяется верующим в то, во что он на самом деле не верит.

Невозможно учесть то нравственное зло, если можно так выразиться, которое мысленная ложь произвела в обществе. Когда человек настолько развратил и протитировал чистоту своего ума, что заявляет о своей вере в такие вещи, в какие он на деле не верит, он готов уже совершить любое другое преступление. Он берется за ремесло священника ради наживы и для того, чтобы быть годным к этому ремеслу, начинает с вероломства. Можно ли представить себе что-либо более разрушительное для нравственности?

Вскоре после того, как я опубликовал в Америке памфлет «Здравый смысл», я понял чрезвычайную вероятность того, что за революцией в системе правительства последует революция в системе религии. Преступная связь церкви и государства, где бы она ни имела место, у евреев, христиан или турок, так эффективно запретила под угрозой различных кар

и взысканий всякую дискуссию по установленным верованиям и основным принципам религии, что до тех пор, пока не будет изменена система правления, эти вопросы не смогут быть честно и открыто поставлены перед миром. Но когда это будет сделано, последует революция в системе религии. Человеческие вымыслы и поповский [обман] будут уничтожены, и человек вернется к чистой, незапятнанной, девственной вере в единого бога и ни во что более...

О БОГЕ, ЕГО СУЩЕСТВОВАНИИ И АТРИБУТАХ, КАК ОНИ ОСВЕЩАЮТСЯ БИБЛИЕЙ

Единственная идея, которую человек может связать с именем бога, есть идея первопричины, причины всех вещей. И как ни недостижимо и трудно для человека понять, что такое первопричина, он верит в нее, ибо не верить в нее вдесятеро труднее. Неопишимо трудно понять, что пространство не имеет конца, но еще труднее понять его конечность. Выше сил человека постичь вечную протяженность времени, но еще невозможнее представить время, когда не будет времени.

Рассуждая так, мы увидим, что все, что мы видим, несет в себе внутреннее доказательство того, что оно не создало себя самое. Каждый человек наглядно доказывает себе, что он не создал самого себя, и это же относится к его отцу, деду и к любому члену его рода. Точно так же никакое дерево, растение или животное не создало себя, и убеждение, возникающее отсюда, необходимо ведет нас к вере в вечно существующую первопричину, по природе своей совершенно отличную от всего известного нам материального существования, в силу которой существуют все вещи. И эту первопричину человек называет богом.

Человек может открыть бога лишь с помощью своего разума. Отнимите разум, и человек окажется не способным понять что-либо; тогда все равно будет, кому читать Библию, лошади или человеку. Как же можно отвергать разум?

Почти единственные части в книге, именуемой Библией, в которых сообщаются нам [хотя бы] какие-то представления о боге, — это некоторые главы в книге Иова и 19-й псалом. Других я не могу припомнить. Эти части подлинно действительские сочинения, ибо они рассматривают божество в его творениях. Они принимают книгу творения как единственное слово божие, не ссылаются ни на какую другую книгу, и все их выводы извлечены из этого фолианта...

Что еще хотел бы человек знать, кроме того, что рука или сила, которая создала эти вещи, божественна и всемогуща? Пусть он верит в это с неотразимой силой, и если положится на свой разум, то порядок его нравственной жизни установится сам собой.

Упоминания в книге Иова имеют ту же тенденцию, что и псалом, — вывести или доказать истину, которая иначе была бы неизвестна, из уже известных истин.

Я не помню достаточно хорошо книгу Иова, чтобы правильно воспроизвести нужные места, но мне припоминается одно, применимое к настоящему предмету: «Можешь ли ты исследованием найти бога? Можешь ли совершенно постигнуть вседержителя?» [Иов, гл. 11, ст. 7].

Я не знаю, какие знаки препинания расставили здесь печатники, ибо у меня нет при себе Библии. Но это место содержит два четких вопроса, допускающих ясный ответ.

Во-первых, можешь ли ты найти бога? Да, потому что, во-первых, я не мог сотворить самого себя, и все же я существую. Исследуя природу других вещей, я нахожу, что и никакая другая вещь не могла сама себя создать, и все же существуют миллионы различных вещей. Отсюда следует в качестве позитивного результата такого исследования, что существует сила, высшая, нежели все эти вещи, и эта сила есть бог.

Во-вторых, можешь ли ты в совершенстве познать всемогущего? Нет, и не только потому, что

для меня непостижимы его сила и мудрость, запечатленные в структуре доступного мне мироздания, но и потому, что даже этот мир, как он ни велик, вероятно, представляет собой лишь незначительное проявление той необъятной силы и мудрости, посредством которой были созданы и продолжают существовать миллионы других миров, невидимых мне из-за их удаленности от нашего.

Очевидно, что оба эти вопроса были поставлены разуму того лица, к которому они были обращены. И второй вопрос мог последовать только, если на первый ответили утвердительно. Было бы излишним и даже нелепым ставить второй вопрос, более трудный, чем первый, если бы на первый был получен отрицательный ответ.

Эти два вопроса касаются различных предметов: первый касается существования бога, второй — его атрибутов. Разум может открыть одно, но совершенно не в состоянии открыть всю совокупность других.

Я не помню ни одного места в книгах, приписываемых так называемым апостолам, где давалось бы какое-нибудь представление о том, что такое бог. Писания эти в большинстве своем противоречивы, а предмет, о котором они трактуют, — мучительная смерть человека на кресте — больше подходит мрачному гению монаха, [укрывшегося] в келье, который их, возможно, и написал, чем любому человеку, дышащему свежим воздухом мироздания.

Единственный отрывок, припоминающийся мне и имеющий какое-то отношение к деяниям бога, посредством которых только и можно понять его силу и мудрость, — это слова, якобы сказанные Иисусом Христом в качестве средства против ненужных забот: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут? Ни трудятся, ни прядут». Впрочем, это намного уступает намекам, содержащимся в книге Иова и в девятнадцатом [восемнадцатом] псалме, хотя и сходно с ними по идее, а скромностью образа соответствует скромности человека, произнесшего их.

Что же касается христианской системы веры, то она представляется мне разновидностью атеизма — каким-то религиозным отрицанием бога. Она исповедует веру скорее в человека, чем в бога. Она представляет собой смесь, состоящую главным образом из человекобожия [manism] с небольшой добавкой деизма, и столь же близка к атеизму, как сумерки к темноте. Между человеком и его создателем она помещает нечто непроницаемое, именуемое искупителем. Посредством этого она производит религиозное или иррелигиозное затмение света, подобно тому как луна, помещая свое непроницаемое естество между солнцем и землей, производит солнечное затмение. Вся орбита разума оказалась вследствие этого затемненной.

В результате такого затмения все оказалось перевернутым вверх дном и предстало в превратном виде. Среди переворотов, которые религия столь волшебным образом произвела, был и переворот в теологии.

То, что ныне называется натуральной философией и охватывает весь круг наук, в котором астрономия занимает главное место, есть изучение деяний бога, силы и мудрости божьей в его творениях и является истинной теологией.

Что же касается теологии, изучаемой ныне вместо нее, то она — изучение человеческих мнений и фантазий относительно бога. Она изучает не самого бога в его трудах, а труды и писания людей [о боге]. И отнюдь не наименьшим из того ущерба, какой принесла миру христианская система, было то, что она предала первоначальную и прекрасную систему теологии как прекрасную невинность мучке и позору с тем, чтобы очистить место кошмару суеверий.

Книга Иова и 19-й [18-й] псалом, которые даже церковь признает более древними, чем это явствует из хронологического порядка, в котором они расположены в Библии, представляют собой богословские

речи, согласующиеся с первоначальной теологической системой.

Их содержание доказывает с очевидностью, что изучение и созерцание дел творения и проявляющихся в них силы и мудрости бога составляли значительную часть религиозного благочестия того времени, когда они были написаны, и это набожное исследование и созерцание привело к открытию принципов, на которых основано то, что ныне именуется науками. А благодаря открытию этих принципов существуют почти все искусства, способствующие удобству человеческой жизни.

Каждое основное искусство имеет в качестве своего родоначальника какую-либо науку, хотя человек, механически выполняющий работу, не только не всегда, но очень редко сознает их связь.

Христианская система лжет, называя науки человеческим изобретением; человек лишь применяет их. Каждая наука имеет в своей основе систему принципов, столь же прочных и неизменных, как и те, которыми регулируется и управляется Вселенная. Человек не может создать эти принципы; он может только открыть их.

Например, каждый, кто смотрит в календарь, видит, когда произойдет затмение, и знает также, что оно неизбежно происходит согласно указаниям календаря. Это показывает, что человек знаком с законами движения небесных тел. Но если какая-нибудь церковь на свете станет утверждать, что законы эти — человеческое изобретение, это было бы хуже, чем невежество.

Невежеством или чем-либо еще худшим было бы утверждать, что научные принципы, с помощью которых человек получил возможность вычислить и предсказать, когда произойдет затмение, изобретены людьми. Человек не может изобрести вечное и неизменное, а научные принципы, которые он использует для этой цели, должны быть и необходимо являются столь же вечными и неизменными, как и законы движения небесных тел. Иначе их нельзя было

бы использовать, как их используют, для определения времени затмения и его степени.

Научные принципы, которые человек использует для предсказания затмения или чего-либо еще, относятся к движению небесных тел и содержатся главным образом в той части науки, которая называется тригонометрией или наукой о свойствах треугольников. В приложении к изучению небесных тел она именуется астрономией, в приложении к управлению судами в океане — навигацией, к построению фигур при помощи линейки и циркуля — геометрией, к созданию планов зданий — архитектурой, к измерению земной поверхности — топографией. Наконец, она — душа науки; она — вечная истина, содержащая в себе математическое доказательство того, о чем говорит человек, и полный объем ее применения неизвестен.

Можно сказать, что человек способен сделать или начертить треугольник, и потому треугольник — человеческое изобретение.

Но треугольник, будучи нарисован, есть не что иное, как изображение принципа, очертание, которое делает этот принцип доступным глазу, а через него и уму. Иначе он непостижим. Треугольник создает принцип не более чем свечка, внесенная в темную комнату, создает стулья и столы, которые до того были невидимы. Все свойства треугольника существуют независимо от чертежа и существовали до того, как был вычерчен или мысленно представлен человеком какой-либо треугольник. Человек участвует в образовании этих свойств или принципов не более, чем в создании законов движения небесных тел, и по-сему одно должно иметь столь же божественное происхождение, как и другое.

Точно так же можно утверждать, что человек может сделать механический инструмент, именуемый рычагом. Но принцип действия рычага отличен от самого рычага и будет существовать, даже если самого рычага не будет. Он привходит в инструмент после того, как тот сделан, и инструмент поэтому не может действовать иначе, чем он действует. И все

усилия человеческой изобретательности не могут заставить его действовать иначе. То, что человек во всех подобных случаях называет действием, есть не что иное, как сам принцип, ставший доступным для чувств человека.

Если, следовательно, человек не может создавать принципов, то откуда он черпает свои знания о них, чтобы быть в состоянии применять их не только к земным предметам, но и для определения движения тел, удаленных на столь огромное расстояние от земли, как все небесные тела? Откуда, я спрашиваю, мог он почерпнуть это знание, как не из изучения истинной теологии?

Само устройство Вселенной преподало человеку эти знания. Это устройство является вечно существующим проявлением любого из принципов, на которых основана любая часть математической науки. Механика является ответвлением этой науки, так как она есть не что иное, как практическое приложение ее принципов.

Человек, соразмеряющий различные части мельницы, пользуется теми же научными принципами, как если бы он хотел построить Вселенную. Но так как он не может привнести в дело ту невидимую силу [agency], благодаря которой все составные части Вселенной взаимно влияют друг на друга и движутся [как бы] в унисон, без какого-либо очевидного соприкосновения, — ту [силу], что человек назвал притяжением, тяготением и отталкиванием, то он помещает на место этой силы [agency] смиренное подражание ей в виде зубцов и кулачков.

Все части человеческого микрокосма явно должны соприкасаться друг с другом. Но если бы человек мог познать эту [заключенную в них] силу настолько, чтобы быть в состоянии применить свое знание на практике, мы могли бы тогда сказать, что открыта другая каноническая книга слова божьего.

Если бы человек мог изменять свойства рычага, он мог бы также изменять и свойства треугольника, ибо рычаг (возьмем для ясности тот род рычага, который называют безменом) образует, когда он дви-

жется, треугольник. Линия, из которой он исходит (одна точка этой линии — точка опоры), линия, к которой он нисходит, и хорда дуги, которую описывает в воздухе конец рычага, образуют три стороны треугольника.

Другое плечо рычага также образует треугольник, и соответствующие стороны этих треугольников, рассчитанные теоретически или измеренные геометрически, а также синусы, тангенсы и секансы углов треугольников, геометрически измеренные, находятся в той же пропорции один к другому, что и тяжести, которые взаимно уравниваются на рычаге, если пренебречь весом самого рычага.

Могут также сказать, что человек в состоянии сделать колеса и оси, соединить колеса разной величины и устроить мельницу. И все же мы вновь приходим к тому, что человек не создал принципа, который дает колесам эту силу. Этот принцип столь же неизменен, как и в предыдущих случаях, или, скорее, это тот же принцип, но под другим углом зрения.

Сила, с которой два колеса различного диаметра воздействуют друг на друга, находится в той же пропорции, как если бы полудиаметры обоих колес были соединены и составили только что описанный рычаг, подвешенный в точке соединения полудиаметров. Ведь оба колеса, если их рассматривать научно, являются не чем иным, как двумя окружностями, образованными движением составного рычага.

Все наше знание проистекает из изучения истинной теологии, и из этого знания произошли все искусства.

Всемогущий лектор, изложив принципы науки в структуре Вселенной, пригласил человека исследовать и подражать. Он как бы сказал обитателям нашего земного шара: «Я создал землю для того, чтобы человек обитал на ней; я сделал видимыми звездные небеса, чтобы он учился науке и искусствам. Теперь люди могут обеспечить свое благополучие и на примере моей щедрости ко всем научиться быть добрыми друг к другу».

Для чего наделен глаз человека способностью видеть на непостижимом расстоянии громаду миров, движущихся в океане пространства, как не для того, чтобы научить чему-либо самого человека? Или для чего видима человеку эта громада миров? Что общего имеет человек с Плеядами, Орионом, Сириусом, Полярной звездой, с движущимися планетами — Сатурном, Юпитером, Марсом, Венерой и Меркурием, если из того, что они видимы, не вытекает никакой пользы? Человеку достаточно было бы меньшей силы зрения, если бы необъятный мир, который мы видим сейчас, был лишь бесконечным пустым пространством, усеянным блесками.

Только созерцая звездные небеса, эту книгу и школу науки, человек открывает пользу в том, что они видны для него, и преимущества, вытекающие из неограниченности его зрения. Но, рассматривая предмет в этом свете, он видит дополнительное доказательство того, что ничто не было создано напрасно. Ведь напрасна была бы эта сила зрения, если бы она ничему не учила человека (стр. 246—272).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адамс Д. 41, 53, 108
 Адамс С. 53, 112
 Александр Македонский
     94
 Аллен Д. 125, 161
 Аллен И. 134, 135
 Аптекаер Г. 102
- Бабеф Г. 84
 Барер Б. 34, 44
 Барло Дж. 46
 Баскин М. П. 165
 Баур Ф.-Х. 145
 Бейч Р. 16
 Беркли Д. 13
 Бёрк Э. 32—36, 39, 56,
     79, 84, 156, 157
 Бест М. 113
 Бичер Л. 47
 Блоунт Ч. 21, 134
 Блэк Д. 12
 Болингброк Г. 21
 Бриссо Ж.-П. 33
 Брунел Ч. 160
 Буланже Н. 135
 Быховский Б. Э. 126,
     165
- Вашингтон Д. 25, 26, 28,
     33, 43, 89, 90
 Вейль Д. 154, 161
- Вильямс Т. 49
 Вольтер Ф. 8, 48, 59, 75,
     83, 161
 Воронов В. В. 165
 Воронцов С. Р. 163
 Вудворд У. 38, 155
 Вулмэн 115
- Гарди Т. 39, 40
 Гартли Д. 13
 Гельвеций К.-А. 8, 130
 Георг III 21, 34
 Герцен А. И. 165
 Гершель У. 12
 Геттон Д. 12
 Гоббс Т. 21, 72, 133,
     138
 Годвин У. 39
 Гольбах П. 8, 123, 130
 Гольдсмит О. 15
 Гончаров Л. Н. 166
 Гоулд Ф. 160
 Грин Н. 26
 Громаков Б. С. 166
 Гроций Г. 59, 135
- Даламбер Ж.-Л. 48
 Дантон Ж. 33, 44
 Дарвин Э. 12
 Деборин А. М. 165
 Джей Д. 51

- Джефферсон Т. 22, 25,
 31—33, 52, 53, 97,
 102, 104, 127, 134
 Джинс Д. 129
 Джонсон С. 20
 Дидро Д. 8, 75, 125
 Додуэлл Г. 13
 Дорфман Д. 69
 Доулинг У. 160
 Дуайт Т. 48
 Дюшатле А. 37
 Екатерина II 163
 Ибн Эзра А. 135
 Ииде Х. 157, 162
 Итон Д. 47, 158
 Кавендиш Г. 12
 Кальм П. 17
 Канаван Ф. 157
 Карл XII 95
 Карлейль Р. 47, 154, 158
 Картрайт Д. 33
 Кенэ Ф. 59
 Клайв Р. 22, 95, 96
 Кларк Г. 114
 Клоотс А. 43
 Коббет У. 58
 Коллинз А. 13, 21
 Конвей М. 113, 116, 145,
 154
 Кондорсе Ж. 33, 37, 47
 Коннел Д. 113, 158
 Коуард У. 13
 Купер Т. 38, 40
 Ларошфуко Л. 32
 Лафайет М.-Ж. 31—33
 Леви Д. 145
 Ленин В. И. 23, 151
 Леруа Ж. Б. 32
 Ле-Шапелье И. Р. 37
 Локк Д. 21, 59
 Лоуренс Д. 28
 Людовик XVI 43, 44,
 45, 82
 Маймонид М. 135
 Маклорен К. 12
 Маркс К. 34, 41, 66, 78,
 158, 161
 Мартин Б. 14
 Менг Д. 74
 Мёнке В. 162
 Мижуев П. Г. 165
 Милликен Р. 129
 Монро Д. 47, 51
 Монтескье Ш.-Л. 21, 59,
 75
 Моррис Г. 46
 Мэнли Д. 57
 Ньютон 145
 Ньютон И. 21
 Огден Ю. 132
 Олдис Ф. (Чалмерс Д.)
 152
 Олдридж А. 110, 155,
 156
 Оуэн Р. 159
 Пальмер Э. 54
 Песталоцци И. 43
 Петтион Ж. 44
 Питт У. 163
 Плеханов Г. В. 116
 Пристли Дж. 12, 38, 40,
 43
 Пугачев Е. 163
 Пушкин А. С. 164
 Радищев А. С. 164
 Раш Б. 23, 53

Рейналь Г. 28, 33, 59,
83, 100, 121, 164,
165

Рикардо Д. 13

Рикман Т. К. 16, 154

Ричардсон К. 153

Робеспьер М. 44, 112

Роджерс 53

Ропер Р. 129

Рузвельт Т. 153

Руссо Ж.-Ж. 8, 21, 48,
59, 72, 83

Сабиров Х. Ф. 166

Семенников В. П. 164

Смит А. 13, 59, 68

Спенс Т. 158

Спиноза Б. 59, 135, 137,
138, 139, 143

Стифен Л. 153

Талейран Ш. 51

Таппан Д. 48

Тауншенд Ч. 18

Тейлор 12

Толанд Д. 13, 123, 125

Тук Г. 33, 38

Тюрго А. Р. Ж. 59

Уокер Т. 158

Уотсон Р. 49

Феннеси Р. 156

Фергюсон Д. 14

Фолк Р. 114

Фокс Д. 113—115

Фокс Ч. 33

Фонер Ф. 54, 103, 161,
162

Форстер Г. 159

Фостер У. 8

Франклин Б. 8, 16, 29,
30, 87, 102, 134, 163

Хикс Е. 115

Хильгер 157

Холл Д. 29

Холлис 38

Цельс А. К. 133

Чалмерс Д. 152

Читэм Д. 152

Шейс Д. 89

Шенфельдер К. 137, 162

Шервин У. 154

Шефтсбери А. 21

Штраус Д. 145

Эбер Ж. 112

Эдвардс Д. 20

Эддингтон А. 129

Эйткин Р. 21

Эмерсон Р. 129

Энгельс Ф. 7, 66, 158,
159

Эрскин Т. 49

Юм Д. 13

Янг Т. 135

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 7.
2. *Маркс К.* Политика Австрии. — Дебаты о войне в палате общин. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 10.
3. *Маркс К.* Капитал, т. I. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 23.
4. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Святое семейство, или Критика критической критики. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 2.
5. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология. — *Соч.*, т. 3.
6. *Энгельс Ф.* Письма из Лондона. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 1.
7. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 2.
8. *Энгельс Ф.* Празднество наций в Лондоне. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 2.
9. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 19.
10. *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 22.
11. *Ленин В. И.* От какого наследства мы отказываемся? — *Полн. собр. соч.*, т. 2.
12. *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу. — *Полн. собр. соч.*, т. 24.
13. *Ленин В. И.* Письмо к американским рабочим. — *Полн. собр. соч.*, т. 37.
14. *Ленин В. И.* О значении воинствующего материализма. — *Полн. собр. соч.*, т. 45.

* *

*

15. *Paine Th.* The Writings. Collected and ed. by M. D. Conway, vol. I—IV. N. Y., 1894—1896.
16. *Paine Th.* The life and works. Ed. Weyde M. van der, vol. I—X. N. Y., 1925.
17. *Paine Th.* The complete writings, vol. I—II. N. Y., 1945.
18. *Пейн Т* Избранные сочинения. М., 1959.

* *

*

19. *Аптекер Г.* История американского народа. Колониальная эра. М., 1961.
20. *Аптекер Г.* История американского народа. Американская революция 1763—1783. М., 1962.
21. Архив князя Воронцова, кн. IX, ч. 2. М., 1876.
22. *Баскин М. П.* Философия американского просвещения. М., 1955.
23. *Баскин М. П.* Томас Пейн. — В кн.: *Т Пейн.* Избранные сочинения. М., 1959.
24. *Быховский Б. Э.* Философия американского просвещения. — В кн.: «История философии», т. II. М., 1941.
25. *Воронов В. В.* Прогрессивные тенденции социологических воззрений Томаса Пэна. — «Философские науки», 1959, № 3.
26. *Воронов В. В.* Социологические, социально-политические и философские взгляды Томаса Пэна. — В кн.: Пермский гос. мед. институт. Труды кафедр общественных наук. Вып. I, т. 2. Пермь, 1959.
27. *Воронов В. В.* Томас Пейн — враг войны и колониализма. — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 3.
28. *Герцен А. И.* Собрание сочинений в тридцати томах, т. XVI. М., 1959.
29. *Гольдберг Н. М.* Критика религии Томасом Пейном. — В кн.: «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. IV. М. Л. 1960.

30. *Гольдберг Н. М.* Свободомыслие и атеизм в США (XVIII — XIX вв.). М. — Л., 1965.
31. *Гончаров Л. Н.* Общественно-политические идеи Т. Пейна. Фрунзе, 1959.
32. *Громаков Б. С.* Политические и правовые взгляды Томаса Пейна. М., 1960.
33. *Деборин А. М.* Социально-политические учения нового и новейшего времени, т. I. М., 1958.
34. *Ефимов А. В.* Очерки истории США. Изд. 2-е. М., 1958.
35. *Мижухев П. Г.* Великий раскол англосаксонской расы. СПб., 1901.
36. *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли, т. I—III. М., 1962—1963.
37. *Сабиров Х.* Американские просветители и их современные фальсификаторы. — В кн.: «Критика современной буржуазной философии и социологии». М., 1961.
38. *Сабиров Х.* Борьба в США вокруг прогрессивного наследства американских просветителей по вопросам войны, мира и колониализма. Казань, 1962.
39. *Спиноза Б.* Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1957.
40. *Фостер У.* Закат мирового капитализма. М., 1951.
41. *Фостер У.* Очерк политической истории Америки. М., 1955.
42. *Фурсенко А. А.* Американская буржуазная революция XVIII века. М. — Л., 1960.

* * *

*

43. *Aldridge A. O.* Man of reason. The life of Thomas Paine. Philadelphia and New York, 1959.
44. *Allen J. S.* Introduction. — В кн.: *Th. Paine. Selections from his writings.* N. Y., 1937.
45. *Aptheker H.* The negro movement and human progress. — «Political affairs», 1963, № 9.

46. *Best M. A.* Thomas Paine, prophet and martyr of democracy. N. Y., 1927.
47. *Blunk R.* Thomas Paine. Ein Leben für Amerika. München, 1947.
48. *Brunel Ch.* The man with the magic pen. — «Freetinker», 1966, № 3.
49. *Brunel Ch.* Thomas Paine: citizen of two worlds. — «Political affairs», 1959, June.
50. *Clark H. H.* Introduction. — В КН.: *T Paine*. Representative selections. N. Y., 1961.
51. *Connell J. M.* Thomas Paine. London, 1939.
52. *Conway M. D.* The Life of Thomas Paine, vol. I—II. New York — London, 1892.
53. *Conway M. D.* Thomas Paine et la revolution dans les deux mondes. Paris, 1900.
54. *Elder D.* The common man philosophy of Thomas Paine. A study of the political ideas of Paine. Notre Dame. Indiana, 1951.
55. *Falk R. P.* Thomas Paine: deist or quaker. — «The Pennsylvania Magazine of History and Biography», vol. LXII, 1938. Januarv.
56. *Fennessy R. R.* Burke, Paine, and the rights of man. Haye, 1963.
57. *Foner Ph. S.* Thomas Paine — world citizen and democrat. — В КН.: *Th. Paine*. The complete writings, vol. I, N. Y 1945.
58. *Gimbel R.* Thomas Paine. A bibliographical checklist of «Common sense», with an account of its publication. New Haven, 1956.
59. *Could F. J.* Thomas Paine. London — Boston, 1925.
60. *Ihde H.* Thomas Paine und die Französische Revolution. — «Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik», 1967, № 1.
61. *Kingsley M.* Thomas Paine. London, 1925.
62. *Koch G. A.* Republican religion. The American revolution and the cult of reason. N. Y., 1933.
63. *Mönke W.* Einleitung. — В КН.: *Th. Paine*. Die rechte des menschen. Berlin, 1962.
64. *Morais H. M.* Deism in eighteenth century America. New York — London, 1934.

65. *Pearson H.* Tom Paine. Friends of mankind. N. Y., 1937.
66. *Penniman H.* Thomas Paine — democrat. — «American political science review», vol. XXVII, 1943, № 2.
67. *Post A.* Popular Freethought in America, 1825—1850. N. Y., 1943.
68. *Richardson C. F.* American Literature, vol. I. N. Y., 1887.
69. *Riley J. W.* American philosophy. The early schools. N. Y., 1907.
70. *Roper R. C.* Thomas Paine: Scientist-religionist. — «The Scientific monthly», vol. LYIII, 1944, № 2.
71. *Schneider H. W.* A history of American philosophy. 2nd ed. New. York — London, 1963.
72. *Schönfelder K. H.* Einleitung. — В кн.: *Thomas Paine*. Common sense and Crisis papers. Halle. 1956.
73. *Webb R. K.* The british working class reader, 1790 — 1848. London, 1955.
74. *Wecter D.* Thomas Paine and the Franklins. — «American Literature», 1940, № 3.
75. *Woodward W. E.* Tom Paine: America's godfather. N. Y., 1945.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Глава первая. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ</i>	11
1. Английский демократ	—
2. Борьба за дело Америки	17
3. Мятежник вернулся на родину	31
4. В буре французской революции	42
5. Снова в Америке. Последние годы	52
<i>Глава вторая. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ</i>	59
1. Об обществе и государстве	60
2. О революциях	77
3. О конституциях	84
4. О войне, колониализме и мире	93
5. Против расизма	101
<i>Глава третья. ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И КРИТИКА РЕЛИГИИ</i>	106
1. Деист или квакер?	—
2. У истоков американского материализма	116
3. «Революция в системе религий»	130

<i>Глава четвертая.</i> ПОЛТОРА ВЕКА ПОСЛЕ СМЕРТИ	151
Приложение. ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОМАСА ПЕЙНА	167
Указатель имен	189
Литература	192

Г 63   **Гольдберг Н. М.**
              Томас Пейн.   М., «Мысль»,
              1969.

198 с. (Мыслители прошлого).

Книга дает характеристику творчества и жизненного пути Томаса Пейна — замечательного американского философа-просветителя, участника американской и французской революций конца XVIII в., борца за социальную справедливость. В приложении даются отрывки из важнейших произведений Т. Пейна.

1—5—1

1 ф

67—69

Гольдберг, Николай Моисеевич

ТОМАС ПЕЙН

Редактор *А. В. Мамонтов*

Младший редактор *В. М. Кузнецова*

Оформление серии художника *В. А. Носкова*

Гравюра художника *Л. С. Быкова*

Художественный редактор *С. М. Полесицкая*

Технический редактор *О. А. Барабанова*

Корректор *В. М. Антонова*

Сдано в набор 29 января 1969 г. Подписано в печать
5 мая 1969 г. Формат бумаги 70×90¹/₃₂, № 2. Усл.
печатных листов 7,31. Учетно-издательских листов 6,71.
Тираж 17000 экз. А 00836. Цена 21 коп. Заказ № 338.

Издательство «Мысль».

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская
типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горь-
кого Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.